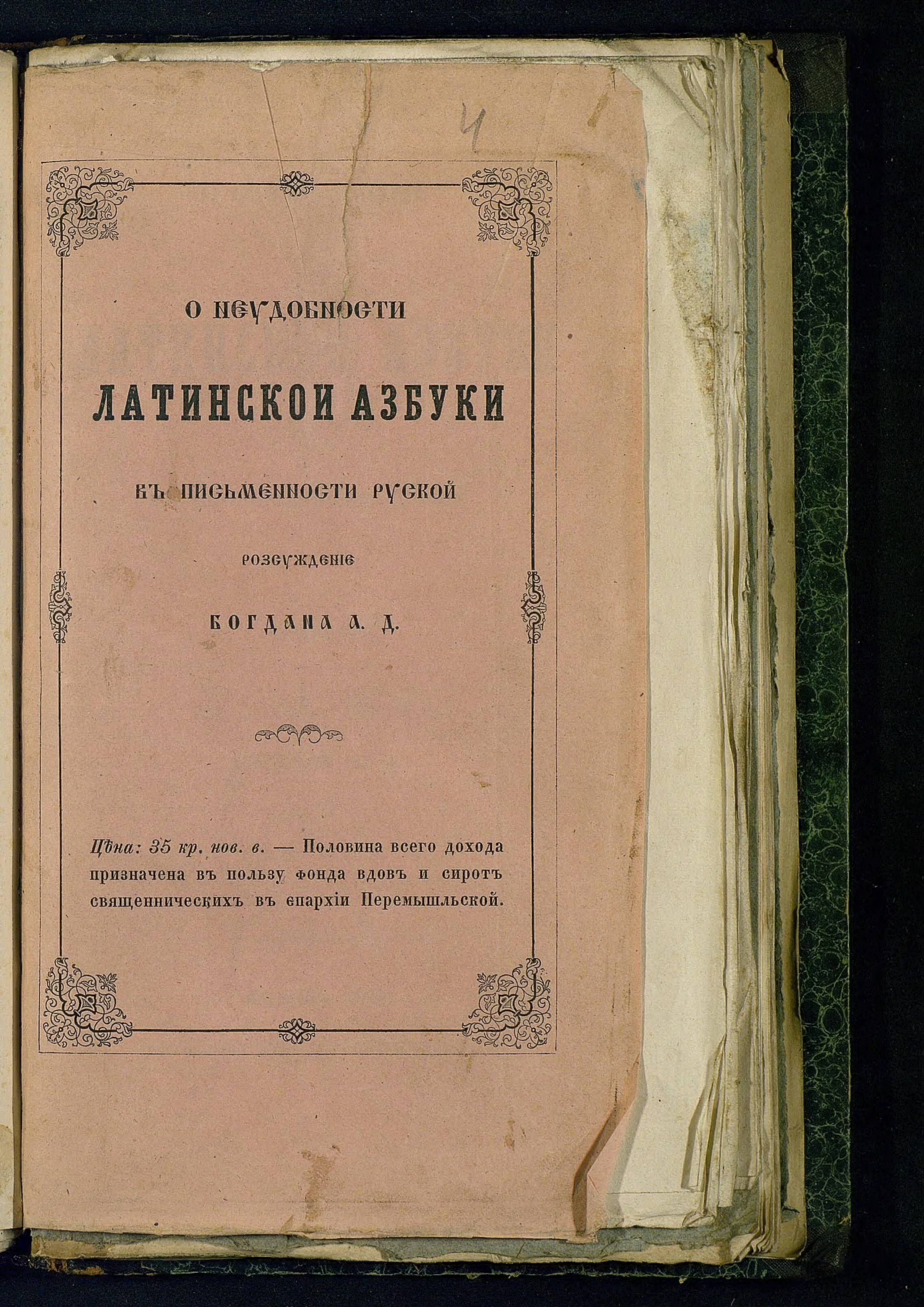

4

О неудобности

Латинской азбуки

въ письменности руской

розсужденіе

Богдана А. Д.

Цѣна: 35 кр. нов. в. — Половина всего дохода призначена въ пользу фонда вдовъ и сиротъ священническихъ въ епархіи Перемышльской.

О НЕУДОБНОСТИ

ЛАТИНСКОИ АЗБУКИ

ВЪ ПИСЬМЕННОСТИ РУСКОЙ

РОЗСУЖДЕНІЕ

БОГДАНА А. Д.

ВѢДЕНЬ 1859.

ВЪ КНИГОПЕЧАТНѢ ОО. МЕХИТАРИСТОВЪ.

Єсть въ новости ꙗкась принада,—
Но чи прійместь за ню громада?

Вопросъ о оудобности или неудобности латинской азбуки въ письменности руской давно оуже рѣшенъ на великую пользу и въ оудоволеніе нашого народа въ Галицкой и подъ-Карпатской Руси, и просвѣщеннiи мужи нашого отечества взявшись отъ времени словесного нашого возрожденія съ большимъ прилѣжаніемъ за трудъ литературный, зъ тѣхъ поръ не пишутъ иначе свои рускiи сочиненія, ꙗкъ лише словенскими буквами и правописію словенскою. Даже тiи изъ нашихъ братiй, котори передъ 1848 годомъ пробовали нѣсколько разы писати руское свое слово буквами латинскими, навернулись отъ сего памятного года до азбуки словенской, до той азбуки, котора процвѣтала оу насъ лѣтъ около — девять сотъ, и котораꙗ въ слѣдствіе того справедливо называтися може руско-словенскою или словено-рускою, ꙗкъ ю и предки наши называли. Такъ зъ времени словесного возрожденія всѣ просвѣщеннiи Русины читаютъ и пишутъ съ обновленнымъ прилѣжаніемъ по словено-руски. Се дѣло всѣмъ извѣстно, и оно будучи доказательствомъ потребъ и общой воли народа, найшло признаніе и всевозможное подкрѣпленіе изъ стороны В. Правительства.

Не смотря на то, поꙗвилась сего года книжка, котора носитъ заглавіе: Nowyi poezyi małoruskii t. j. piśny, dumy, dumki, chory, tańci, ballady etc. w czystom jazyci Czerwono-Rusyniw, wedla żytia, zwyczaiw ich i obyczaiw narodnych, utworyw Lew Eug. Węgliński. Tom I. II. III. Lwihorod

i Peremyszl. Nakładom Autora. 1859. *)— Послѣ обновленного однадцати-лѣтного царствованіꙗ оу насъ словено-рускои азбуки, есть то, о сколько намъ извѣстно, одна и перваꙗ будьто рускаꙗ книжка, котора всѧ напечатана латинскими буквами ведлѧ польскои правописи. Она, хотѧ по изъꙗвленію Автора посвящена Lubownykam sławiańskoho krasopyśmenyja т. е. преимущественно всѣмъ Словенамъ; то однакожь приступною есть властиво лишь Полѧкамъ и тѣмъ Галичанамъ, которіи польскую правопись знаютъ. Вѣдь бо изъ прочихъ Словенъ оуживаютъ одни словенскихъ письменъ, другіи латинскихъ вправдѣ, но ведлѧ правописи чешской, котора отъ польской значно есть отмѣнна.

Книжка сіꙗ приступною есть такожь многимъ Русинамъ Галицкимъ, которіи не оуважаютъ то длѧ себе за неславу, що научилисѧ и по польски читати; однакожь она поꙗвившисѧ въ такомъ времени, коли въ нашой письменности азбука словено-руска вновь рѣшительно оутвердилась, и ꙗко единственно рускаꙗ найшла всенародне и законное признаніе, то, кажемъ, въ такомъ времени сіꙗ книжка произвела не малое оудивленіе оу тѣхъ именно людей мыслѧщихъ, которіи или соучаствуютъ въ дѣлѣ розвиванія руской словесности, или же смотрѧтъ за ходомъ еи съ нѣꙗкимъ вниманіемъ и братнимъ сочувствіемъ. Воистину бо, оуже въ самомъ поꙗвѣ онои книжки мы видимъ нѣꙗко непризнаніе или заперечение того, що принято и оузаконенно оу насъ всесторонно и всенародно, що изъ давныхъ временъ составлѧе внѣшнюю стихію житьѧ нашого литературного и общественного.

Длѧ обороны того житьѧ нашого въ всѣхъ его обꙗвахъ ставали предки наши съ оружіемъ слова въ кождой потребѣ, при кождомъ случаѣ; въ оборонѣ той внѣшней

---

*) Осȣжденіе сихъ поезій Пана Венґлинского издали мы недавно въ статьи о „новыхъ поезіꙗхъ малорȣскихъ", помѣщенной въ 3, 4, 5, 6, 7 и 8 числѣ „Сборника", который, ꙗко наȣково-белетристическаꙗ прилога „Вѣстника", выходитъ подъ редакціею много заслȣженного Г. Василіѧ Зборовского въ Вѣдни.

стихіи житьѧ нашого руского подносимъ и мы нынѣ голосъ свой противъ сему очевидному уневаженію нашого законно признаного достоꙗніꙗ, ковсе не смотрѧчи на то, чи оуневаженіе оно произойшло по невинной цѣли, чи по недоброй волѣ, чи по невѣжеству. Длѧ насъ довольно того, що вышереченнаꙗ книга ꙗвилась посредствомъ печати въ цѣли общого роспространеніꙗ, и оуже само такое ꙗвленіе вызывае насъ и дае намъ право говорити о нашомъ предметѣ ꙗвно, посредствомъ печати, передъ лицемъ цѣлого просвѣщенного міра.

Такъ получивши способность бесѣдити нынѣ сновь о предметѣ, въ которомъ содержитсѧ существенный вопросъ нашого внѣшнего житіꙗ, освѣдчаемъ на передъ, що не ограничимосѧ едино на розсужденіи, ꙗкое замовили мы на заглавномъ листѣ. Поставивши бо собѣ головною цѣлію: доказати тутъ всю неудобность латинской азбуки въ письменности руской, мы чувствуемъ оразъ въ собѣ обѧзанность съ всевозможною точностію, о сколько то въ силахъ нашихъ, довести також все преимущество и единственную длѧ насъ пользу письменъ словенскихъ, въ литературѣ нашой здавна и нынѣ обще оупотреблѧемыхъ. При розвиваніи нашихъ доказательствъ будемъ держатись, по найлучшой совѣсти нашой, началъ и основаній строгои науки, не намѣрѧѧ ніꙗкъ оскорблѧти иначе отъ насъ мыслѧщихъ, а только предъоставлѧемъ собѣ поꙗснѧти нашъ предметъ соумѣстными возраженіꙗми противъ нѣкоторымъ голосамъ, неспріꙗющимъ нашой словено-руской азбуцѣ, ꙗкіи майже кождый Русинъ имѣлъ не разъ случай отъ соплеменниковъ и сожителей нашихъ въ частомъ съ ними общеніи слышати и не разъ може опровергати.

Оуказавши тутъ въ началѣ на головніи точки нашого розсужденіꙗ и оразъ на свободный, снизходительный способъ, съ ꙗкимъ оное высказывати намѣрѧемъ, надѣемсѧ найти заровно свободоумное снизхожденіе и терпимость, или принаймнѣй принадлежное выслуханье оу всѣхъ, длѧ которыхъ всѧкій предметъ науки не выдаесѧ маловажнымъ; а оуповаемъ на се тѣмъ больше, що наше розсужденіе о

неудобности латинской азбуки въ письменности руской не мыслимъ ограничити едино на короткомъ возраженіи: „мы того не пріймаемсѧ, бо такъ оу насъ не бывало.“ Сіе бо возраженіе, хотѧ въ предметѣ нашомъ, ꙗкъ то понизше выкажемъ, имѣе свое великое значеніе; но, стоѧчи само собою безъ основательнѣйшихъ доказательствъ, опертыхъ на началахъ входѧщого сюда знаніꙗ и поровнательнои ѧзыкословной науки, може выдатисѧ противной сторонѣ лишь закоренѣлымъ оупорствомъ въ хороненіи престарѣлыхъ формъ, и, же такъ скажемъ, хинскимъ муромъ противъ всѧкому высшому оуспѣху. Абы именно отстоорнити отъ насъ подобное подозрѣніе, оудаемсѧ нынѣ о помочь и подъ защиту дотычнои науки. А вѣдь храмъ науки длѧ всѣхъ стоитъ отворомъ, и вѣдь всѧкій, кто подноситъ голосъ свой въ имени сей низпосланной намъ небесъ дочери, находилъ и найде всегда послухъ оу свѣта.

I.

Прежде всего должнй выказати мы все благодатное преимȣщество, ꙗкое подае намъ словенскаꙗ азбȣка и правопись въ приноровленіи еи къ письменности рȣской. Ꙗбы сіе тѣмъ точнѣйше доказати, належитъ намъ вернȣти мыслію въ старинȣ, именно въ тіи времена, коли словенскаꙗ азбȣка и правопись имѣла свое начало и первое розвитіе.

Времена тіи, на тысѧчь лѣтъ отъ насъ отдаленніи, покрытй сȣть донынѣ нѣꙗкою мглою, и еще до сихъ поръ не оудалось ни одномȣ оученомȣ тȣюже належито розъꙗснити. Межи ѧзыкословами всѣхъ племенъ словенскихъ продолжаесь въ томъ предметѣ отъ выше ста лѣтъ наȣковый споръ, который, ꙗкъ и всѧкій споръ оученый, имѣе то оутѣшительное послѣдство, що правда чѣмъ разъ бôльше на верхъ добываесѧ. Длѧ близшого розпознаніꙗ того спорȣ и различающихсѧ въ томъ предметѣ мнѣній отсылаемъ Пчт. Читателей къ статьѧмъ нашимъ, помѣщеннымъ въ „Єборникȣ“ за годъ 1857 и 1858, именно къ статьи „О азбȣцѣ глагольской“ въ ч. 7, 9, 10, 13 того „Єборника“ изъ 1857, — а къ „Мнѣнію Шафарика о изъобрѣтателѧхъ кирилицы и глаголицы“ въ ч. 8, 9, 10, и къ „Преподаваніꙗмъ Г. Миклосича о произхожденіи и розпространеніи глаголицы“ въ ч. 15 и 16 изъ 1858 года. Тȣтъ приведемъ лише заключительніи выводы, до ꙗкихъ на ономъ трȣдномъ поприщи пріийшли словенскіи ѧзыкословы въ само новѣйшое времѧ, розсказȣючи то, що ведлѧ ихъ мнѣніꙗ, въ значной части оу҆же соглаcȣючогосѧ, найбôльше есть вѣроѧтно, ꙗко дѣло наȣкою майже рѣшенное. И такъ слѣдȣѧ оученымъ, кажемъ:

Передъ тысѧчȣ лѣтами сȣществовали въ Європѣ преимȣщественно три азбȣки: греческа, латинска и словенскаꙗ. Произхожденіе первой относилось въ далекіи передхристіанскіи времена къ первообразȣ азбȣки фини-

кійской; вторaꙗ, такъ звана латинскаꙗ, произойшла нѣколька сотъ лѣтъ передъ Р. Хр. живцемъ отъ греческой; третью же, с. є. словенскꙋю приписꙋє болгарскій Черноризецъ Храбръ, жившій на ꙗкихъ девѧть сотъ лѣтъ передъ нами, изъобрѣтательномꙋ оумꙋ первого Словенъ Апостола, св. Кирила. Таꙗ то послѣднѧꙗ азбꙋка должна была въ то древнѣє времѧ значно розличатисѧ отъ греческой и латинской, бо добросовѣстный Черноризецъ не былъ бы такъ рѣзко отличалъ єй словенскій характеръ и названіє отъ двоихъ иныхъ; она должна была розличатисѧ тогда и отъ нашои такъ званой кирилицы, бо та состоѧчи изъ 24 бꙋквъ греческихъ а 14 приблизительно-глагольскихъ, заслꙋговала скорше на названіє греческо-глагольской или греко-словенскои. Оученіи рѣшили, що таꙗ словенскаꙗ азбꙋка передъ десѧти вѣками была азбꙋка нынѣ такъ звана глагольскаꙗ или глаголицѧ*), сохраненнаꙗ донынѣ Словенами римского вѣроисповѣданіꙗ въ Дальмаціи и на побережіꙗхъ Истріи и Хорваціи.

Такъ рѣшили найзнакомитшіи изслѣдователи словенскои старины и ѧзыкословіꙗ, именно два мꙋжи европейскои славы, Шафарикъ и Миклосичъ. Они сознали тꙋю правдꙋ въ одинъ голосъ, въ одно майже времѧ, и все розличіє, ꙗкое межи ними нынѣ еще сꙋществꙋє, относитсѧ єдино къ вѣрѣ въ изъобрѣтеніє тои азбꙋки.

Глꙋбокоꙋмный бо Шафарикъ, довѣрѧючи свидѣтельствꙋ Храбра, приписꙋє изъобрѣтеніє глагольскои азбꙋки св. Кирилꙋ; высокоꙋченый же Пр. Миклосичъ, слѣдꙋючи новѣйшомꙋ началꙋ ѧзыкословнои наꙋки, не вѣритъ вовсе въ изъобрѣтеніє письменъ, но излагаючи сію правдꙋ, що письмо вообще дане Богомъ, ꙗко даръ человѣчествꙋ изъ выше, такъ само, ꙗкъ ѧзыкъ, и землѧ, и вода, и воздꙋхъ, относитъ ѧзыкъ и письмо словенское

---

*) Съ глагольскою азбꙋкою могꙋтъ Пчт. Читатели наши познакомитисѧ въ дѣлѣ: Památky hlaholského písemnictví, vydal Pavel Josef Šafařik. V Praze 1853, или же въ: Chrestomathia linguae veteroslovenicae charactere glagolitico, edita a Presb. Joanne Berčic. Pragae 1859., въ которой сꙋть и двѣ таблицѣ азбꙋки глагольскои. (Стоитъ 1 р. 40 кр. нов.)

къ колыбели человѣческого рода въ средоточной Азіи; а основуючися на той правдѣ онъ оутверждае, що древніи Словене сохраняли долго къ службѣ язычества свое письмо, которое въ послѣдствіи времени оупотребилъ къ распространенію межи ними Христіанства посланникъ Божій, св. Кирилъ, получившій отъ благодарнои потомности, вмѣсто скромного имени распространителя, славнѣйшое названіе изъобрѣтателя письменъ словенскихъ.

Взявши на оувагу тіи обстоятельства, що воистину нѣтъ на свѣтѣ ни однои азбуки, о которой бы сказати можно съ точностію, яко она изъобрѣтена тѣмъ или онымъ извѣстнымъ человѣкомъ; що къ тому знаніи намъ азбуки индо-европейскихъ и даже семитскихъ языкôвъ ведутъ свое происхожденіе одна отъ другои, якъ то на пр. латинска отъ греческой, греческа отъ финикійской, тaяже отъ сторонъ, близшихъ колыбели индійского племени; що такимъ дѣломъ извѣстніи, сохраненіи донынѣ азбуки стоятъ съ собою въ отношеніи незапереченного сродства; що наконецъ и глагольская азбука носитъ на собѣ слѣды древнѣго письма финикійского, коптского, арамейского и еврейского, — взявши тіи обстоятельства въ оуваженіе, мы пôйдемъ рѣшительно за мнѣніемъ Г. Пр. Миклосича, тѣмъ бôльше, що и самъ Г. Шафарикъ сомнѣваеся въ неиспорченности Храброва свидѣтельства, а принайменѣй явно вызнае, що дошедшая до насъ кирилицкая рукопись Храброва сочиненія вѣроятно снятою была изъ глагольского первотвора, и въ слѣдствіе того подверглась нѣкоторымъ измѣнамъ, о якихъ легко догадатися.

Такимъ дѣломъ рѣшено оуже долголѣтнымъ трудомъ и наукою, що въ половинѣ IX вѣка с. е. во время св. Кирила и Меѳодія существовала оуже глагольская азбука, названная тогда словенскою (боукввица словѣньская, literae sclovenicae, τὰ σϑλαβικὰ γράμματα), и то доказано глагольскими памятниками, сохраненными донынѣ, а сягаючими майже до временъ Меѳодія. Азбука тая, хотя по старинной, многосложной формѣ буквъ своихъ оутрудняла не мало скорое писаніе, но имѣла

въ своемъ составѣ всѣ знаки, длѧ выраженіѩ звȣкôвъ старословенского ѧзыка необходимо потребніи, и была въ слѣдствіе того весьма здôбною до составленіѩ правописи, томȣ ѧзыкȣ соотвѣтной и природной. О той правописи бȣдемъ говорити понизше; теперь же послѣдȣемъ еще за открытіѩми наȣки въ областѧхъ старины, абы дойти до нашои греко-словенскои кирилицы, котора и обокъ старшои сестры глагольскои ничого не ꙋтратитъ на своемъ преимȣществѣ.

Оуже Черноризецъ Храбръ говоритъ, що Словене въ Болгаріи и Греціи пробовали еще передъ Кириломъ писати словенскіи грамоты бȣквами греческими; однакожь се не ишло имъ въ ладъ, бо въ греческой азбȣцѣ неставало бȣквъ, потребныхъ къ выраженію звȣкôвъ словенскихъ. Иный же, може современный томȣ свидѣтель Грекъ каже, що св. Климентъ, Єпископъ Белицкій оу Словенъ болгарскихъ ꙋпотреблѧлъ длѧ бôльшои вразȣмительности инніи бȣквы, отъ кириловскихъ розличніи*). — Єсли слѣдȣючи Шафарикȣ, возьмемъ тȣтъ въ ꙋваженіе, що сіе свидѣтельство о словенскомъ Єпископѣ Климентѣ походитъ отъ Грека, длѧ которого бȣквы бôльше вразȣмительніи были очевидно греческіи; если къ томȣ звернемъ ꙋвагȣ и на се обстоѩтельство, що глагольско-словенское письмо почитано тогда изъобрѣтеніемъ св. Кирила и называно кириловскимъ (кюрилицѧ): то свидѣтельство Храбра и оного Грека наведе насъ на слѣдъ событій, въ исторіи письменности словенскои дȣже важныхъ. Тȣтъ произойшла замѣчательнаѩ реформа письма, котороѝ начало такъ толкȣе наȣка: За св. Кирила (862 г.) сȣществовала ꙋ Словенъ азбȣка глагольскаѩ, вѣроѧтно самаѩ древнѧѩ. Словене въ Греціи, которіи познакомились съ выгоднѣйшою отъ глагольской греческою азбȣкою, старалисѧ ꙋже давно тȣюже ꙋ себе завести; однакожь число 24 бȣквъ было длѧ обильности звȣкôвъ ихъ ѧзыка надто недостаточное. Нале-

---

*) Excogitavit (ἐσοφίσατο) etiam S. Clemens ingeniose propter majorem perspicuitatem literarum notas diversas ab eis, quas sapiens Cyrillus invenerat. (Vita S. Clem. Bulg. 14.)

жало тотъ нодостатокъ дополнити; на се дѣло рѣшилсѧ въ началѣ X вѣка словено-болгарскій Єпископъ, св. Климентъ († 916 г.).

Онъ составилъ греческо-словенскȣю азбȣкȣ, или нашȣ такъ званȣ нынѣ кирилицю, постȣпаючи такъ, що до 24 бȣквъ греческихъ, длѧ которыхъ сȣществовали особеннїи, однакожь трȣднѣйшїи знаки въ глаголицѣ, додалъ 14 бȣквъ изъ того первобытно-словенского письма глагольского, или же изъ властиво тогда такъ званои „кюрилицы“; но св. Климентъ приноровилъ ихъ при томъ къ формѣ знако̂въ греческихъ съ такою точностїю, що єго новосложеннаꙗ азбȣка показалась навѣть изъ внѣшнёго видȣ совершенною, согласно и ꙗкъ найлȣчше ѹстроенною. Сїꙗ азбȣка соединила двѣ стихїи, греческȣ и словенскȣю, произшедшїи впрочемъ изъ одного же первобытного жерела, въ однȣ стройнȣю цѣлость, и содержала въ собѣ всѣ ѹсловїꙗ, потребнїи длѧ составленїꙗ доброи словенскои правописи. Выражаючи къ томȣ 38 знаками всѣ тїи звȣки, ꙗкїи выражала и азбȣка глагольскаꙗ, имѣла онаꙗ греческо-словенскаꙗ передъ глагольскою єще и то преимȣщество, що по внѣшнёмȣ свомȣ начеркȣ была простѣйшою и выгоднѣйшою къ скоромȣ писанїю; а кромѣ того ѹчила она оразъ читати и греческїи книги, которїи въ тогдашнёе времѧ писались такимъ самымъ почеркомъ 24 бȣквъ греческихъ. Тожь не диво, що Словене, особливо греческїи и болгарскїи, скоро похватили сїю реформȣ, т. є. сїю не новȣю ѹже новость, и греческо-словенскаꙗ азбȣка сталась вскорѣ ѹ нихъ преимȣщественно владѣющою. Обокъ неи сȣществовала єще нѣкоторое времѧ стариннаꙗ глаголицѧ, но мало по малȣ ѹстȣпала мѣстце сестрѣ молодшой: за то процвѣтала она хотѧ въ обмеженной части обокъ латинского письма ѹ Словенъ юго-западныхъ, ѹ которыхъ на побережїꙗхъ ѧдерского морѧ донынѣ сохранилась.

Рѣшительного преобладанїꙗ и роспространенїꙗ ѹ восточныхъ Словенъ дознала греческо-словенскаꙗ азбȣка въ концѣ тогоже X столѣтїꙗ, коли ровно-апостольный Великій Кнѧзь Кїевскій, св. Владимиръ, окрестилъ 988 г. ѧзыческȣю Рȣсь свою въ волнахъ Днѣпра-словȣ-

тицѣ. Для крещенія своего народа призвалъ онъ словенскихъ священниковъ изъ Греціи и Болгаріи, которіи въ словенскихъ переводахъ святого письма принесли на Русь вышереченную азбуку.

Изслѣдовательная наука открыла вѣрніи слѣды, изъ которыхъ можно заключати, що въ оно старинное время извѣстною была на Руси такожь глаголица; но тую вытѣснила вскорѣ принесенная свѣжо азбука греческо-словенская, котора вѣдь содержала всѣ внутренніи свойства глаголицы, а для простого складу своего внѣшнёго оказалась выгоднѣйшою и къ письменности руской. Она носила тутъ сперва названіе азбуки словѣньской, потомъ словено-руской или просто руской, наконецъ, коли память о ей истинномъ произхожденіи тратилась въ народѣ, названо ю для высшого почитанія такъ, якъ называно колись старшую глаголицю: кирилицею. Сіе имя сохранилось ей у насъ донынѣ.

Се есть ведля новѣйшихъ изслѣдованій науки короткій очеркъ розвитія и роспространенія двоихъ словенскихъ азбукъ, употребляемыхъ великою частію Словенъ въ письменности ихъ еще и въ наше время.

Звернѣмъ теперь увагу на внутреннёе устройство тѣхъ словенскихъ азбукъ, именно на правопись, яку они для словенского языка составити суть способнй. Мы ограничимось едино на изложеніи началъ правописи греческо-словенской или словено-руской, бо во первыхъ: лишь тая насъ больше обходитъ, во вторыхъ же: всѣ правила, о сей излагаеміи, относятся въ ровной мѣрѣ и до правописи глагольской, ведля которой вѣдь составилась и наша.

Основное правило доброи правописи есть: абы она выражала докладно не только властивое произношеніе словъ, но оразъ и тѣхъ словъ коренное произхожденіе. Для того кажемъ: „пиши, якъ говоришь, но вырази оразъ въ письмѣ корень или произхожденіе всякого слова". Сіе послѣднёе потребно есть разъ: для чистоязыкословныхъ цѣлій, во вторыхъ: для розличенія словъ, по звуку иногда до себе подобныхъ, а по произхожденію цѣлкомъ отъ себе инородныхъ.

Такимъ дѣломъ правопись, котора сіи два свой-

ства: настоѧщое словопроизношеніе и оразъ историческое словопроизхожденіе съ всевозможною точностію въ собѣ соединѧе, есть добра и соотвѣтна ѧзыкꙋ, длѧ которого оуживаесѧ. Оувидимъ, о сколько тіи два свойства содержатсѧ въ правописи греческо-словенской.

Мы оупоминѧнꙋли выше, що св. Климентъ, — или кто бꙋдь тамъ впрочемъ былъ благорозꙋмный составитель письма греко-словенского, — взѧлъ за основаніе къ своей азбꙋцѣ всѣ 24 бꙋквы тогдашнѣи азбꙋки греческой, а длѧ дополненіꙗ прочихъ словенскихъ звꙋковъ, ꙗкихъ въ греческомъ ѧзыцѣ не было, заимствовалъ 14 бꙋквъ изъ письма глагольского, приноровлѧючи ихъ къ формѣ бꙋквъ греческихъ. Письменный памѧтникъ, въ которомъ сіꙗ, да такъ назвемъ, Климентова азбꙋка сохранилась до насъ майже въ первобытной формѣ, есть извѣстное Остромирово Євангеліе*), писанное въ Новгородѣ 1056 и 1057 года. Дрꙋгій длѧ нашего предмета дꙋже вꙋжный памѧтникъ есть розсꙋжденіе „О письменехъ" Черноризца Храбра, дошедшое до насъ въ рꙋкописи зъ XII вѣка. Черноризецъ той говоритъ, що св. Кирилъ (ꙗкъ тꙋ имѧ сіе толкевати, показано нами выше) »сътвори л҃ (30) письмена и осма, ѡва оубѡ по чиноу грѣчьскыихъ письменъ, ѡва же по словѣнстѣи рѣчи", и Храбръ самъ считае греческихъ письменъ 24: *А, В, Г, Δ, Е, Ζ, Н, Θ, І, К, Λ, М, Ν, Ξ, О, П, Р, Σ, Т, Υ, Φ, Х, Ω, Ψ*; по словѣнстѣй же рѣчи 14 слѣдꙋющихъ бꙋквъ: б, ж, ѕ, ц, ч, ш, щ, ъ, ъі, ь, ѣ, ю, ѧ, ѫ. До сихъ 38 бꙋквъ придано вскорѣ по образцꙋ словенскои бꙋквы: ю**) еще 4 іотованыхъ: ꙗ, ѥ, ѩ, ѭ, а позднѣйше и слитнꙋю: й. Присмотрѣмсѧ той азбꙋцѣ близ-

---

*) Сіе весьма замѣчателкное Євангеліе издалъ съ приложеніемъ греческого текста и съ грамматическими объꙗсненіꙗми въ первый разъ 1843 г. славный А. Востоковъ. Самъ словенскій текстъ перепечаталъ В. Ганка въ Празѣ 1853. (Ганково изданіе стоитъ лишь 1 р. ср.)

**) Неосновно дꙋмаютъ нѣкоторіи ѧзыкословы, що бꙋква ю составилась изъ греческихъ і, о, ѵ, = іоѵ, въ которой то троегласной крайнее ѵ бꙋдьто отпало. Томꙋ мнѣнію противитсѧ свидѣтельство Храбра, и кромѣ того сама же форма бꙋквы ю, котора очевидно сходна съ фор-

ше: Грецескіи 24 бȣквы имѣютъ въ найстаршихъ рȣкописѧхъ словенскихъ цѣлкомъ той самъ видъ, ꙗкій имѣли они въ рȣкописѧхъ греческихъ зъ IX—XII вѣка; къ томȣ же маютъ они и тогдашнёе греческое произношеніе (*В*=w; *Г*=g; *Н*=i*). Прочіи же 14 бȣквъ словенскихъ заимѧтй изъ старинной азбȣки глагольской, однакожь такъ, що внѣшній видъ ихъ значно ȣпрощенъ и до складȣ письменъ греческихъ по возможности приноровленный. Изъ нихъ бȣквы: ж, ѕ, ц, ч, ш, щ, ь, ю, ѧ очевидно сходнй съ глагольскими**), тôлько же послѣдна бȣква мае въ глаголицѣ не много иный звȣкъ (ꙗ и ѣ); согласнаꙗ б есть ȣдачнымъ соединеніемъ глагольскои боукы съ греческою *Βετα*; полȣгласнаꙗ ъ произойшла отъ глагольской ь, и выражаючи въ противоположность сей послѣднѣй звȣкъ твердый, составила въ соединеніи съ греческою и, ї, словенскȣю: ъи, ъі (нынѣ ы), такъ ꙗкъ сновь глагольскаꙗ ь въ иномъ соединеніи съ греческого ε составила словенскȣю бȣквȣ ѣ (ье), въ которой є вписана нѣꙗко въ верхȣ ȣбôльшенной полȣгласной ь. Носоваꙗ самогласна ѫ составлена по образцȣ глагольскои ѧ, и заокрȣгленье еи въ верхȣ имѣе свое

моѭ тойже бȣквы въ азбȣцѣ словено-глагольской, и изъ тоиже снѧта. Мимоходомъ замѣчаемъ еще, що вліꙗніе глаголицы на азбȣкȣ греко-словенскȣю происходило навѣть и въ времени, отъ насъ не дȣже далекомъ; о томъ свѣдчитъ именно форма бȣквы ꙅ въ нашой скорописи, которои первое розвитіе началось зъ XVI вѣка ȣ насъ въ Галицкой Рȣси. Въ той скорописи глагольскаꙗ бȣква ꙅ занѧла рѣшительно мѣстце греческои Г.

*) Изъѧтіе видимо въ бȣквѣ *Θ*, произносимой ȣ Грекôвъ ꙗкъ TX или TS, который то сложный звȣкъ надто былъ чȣжій Словенамъ, и они ȣживаючи сію бȣквȣ лишь въ именахъ греческихъ, произносили и произносѧтъ ю трояко: ѳ, т и ѳт.

**) Бȣквы: Ц, Ч, Ш можно бы произвести и зъ еврейского двойного цаде (ץ, צ) и шинъ (ש), а полȣгласніи ь, ъ, изъ азбȣки коптской; однакожь ближша тȣтъ глаголица, котора такъ тін, ꙗкъ нѣкоторіи иніи бȣквы имѣе сходнй съ старо-еврейскими и иными азійскими, що такожь свѣдчитъ о еи глȣбокой старинѣ.—При той способности изъꙗвлѧемъ свой жаль, що не есмо въ состоꙗніи навести тȣтъ бȣквъ глагольскихъ, бо нѣтъ ихъ нынѣ еще ни въ одной книгопечатни Бѣденьской. Единый печатный прототипъ азбȣки глагольскои сȣществȣе за стараніемъ Шафарика въ книгопечатни Газа въ Празѣ.

толкованіє въ формѣ бȣквъ глагольскихъ. — Що до произношеніѧ тѣхъ бȣквъ, розличалось оно отъ теперѣшнёго нашого въ кôлькохъ слѣдȣющихъ: бȣква ѕ звȣчала=дз; щ=шт; ъ=глȣхое о; ь=легко слышное і или е; ѣ=йе или долгое є, єй или также йа, єа; ***) ѧ=ен, ę; ѫ=он, ą; ѩ, ѭ=ję, ją.

Такій былъ складъ и произношеніє греко-словенскихъ бȣквъ во времѧ св. Климента и Черноризца Храбра первоначально въ Болгаріи, потомъ же за св. Владимира и Новгородского посадника Остромира (см. его Євангеліє) также на Рȣси. Однакожь на Рȣси, особливо же въ южныхъ єй ȣ̂дѣлахъ, перемѣнилсѧ ѹже въ концѣ XI. вѣка (см. два „Єборники Євѧтослава“ изъ 1073 и 1076 г.) подъ вліѧніємъ вародного ѧзыка вправдѣ не складъ, но выговоръ кôлькохъ словенскихъ бȣквъ вѣроѧтно такъ, ѩкъ онъ звȣчитъ ѹ насъ и нынѣ. Сей перемѣнѣ по произношенїю подлѧгло лишь 5 слѣд. бȣквъ: г, щ, ѣ, ѧ, ѫ, зъ которыхъ послѣднѧ (ѫ, ѭ), ѩко не свойственна рȣскомȣ ѧзыкȣ ȣ̂стȣпила мѣстце звȣкȣ и бȣквѣ ю (ȣ, ѵ, *) полȣгласніи же ъ и ь тратили съ временемъ свôй полȣзвȣкъ, и слȣжили, ѩкъ слȣжатъ и нынѣ, єдино длѧ означеніѩ твердого или мѧгкого звȣка

***) Произношеніє бȣквы Ѣ ѩко продолженного Є или ЄЙ выводитъ Г. Пр. Миклосичъ весьма остроȣмно изъ выговора Єловѣнцевъ и зъ произношеніѩ словенскихъ слôвъ въ ѧзыцѣ мадѧрскомъ, въ которôмъ на примѣръ словенское: ЄѪЄѢДЪ звȣчитъ нынѣ: szomszéd=сомсейдъ; ОБѢДЪ=ebéd=ебейдъ; — а же она бȣква произносилась также ѩкъ ЙЯ или ЄЯ доказȣе Пр. Миклосичъ разъ изъ того, що на звȣки ЙЄ и ЙЯ находитсѧ въ глаголицѣ лише одинъ знакъ (Ѧ), во вторыхъ же, що и въ греко-словенскихъ памѧтникахъ ѹживаесѧ бȣква Ѩ иногда вмѣсто Ѣ, на пр. нынѩ вм. нынѣ.

*) Чȣдное тȣтъ сȣществȣе правило длѧ носовыхъ самогласныхъ, доказȣющое о великомъ преимȣществѣ словенской и рȣской правописи! Старословенскіи ѧ, ѩ, ѫ, ѭ, стоѩвшіи въ тѣхъ словахъ, которіи носовȣ гласнȣ имѣютъ нынѣ и въ ѧзыцѣ польскомъ, застȣпленй ѹ насъ постоѩнно: ѧ и ѩ бȣквою ѧ или а; ѫ и ѭ бȣквами ѹ и ю; на пр. мѧсо, жѧти, ѩзыкъ,=мѧсо, жѧти, ѧзыкъ = mięso, żąć, język; — мѫжь, стоѭ, рѫка = мȣжь, стою, рȣка, = mąż, stoję, ręka. Такъ єсли изъ польск. ѧзыка познаемъ, где стоѩла носова гласна въ старословенскомъ, то сновь изъ рȣского съ всѧкою точностію вѣдаемъ, котора изъ сихъ двоихъ тамъ стоѩла.

бȣквъ согласныхъ, которȣ то ȣ҆слȣгȣ дѣлали впрочемъ сіи полȣгласніи заразомъ также и въ письмѣ старословенскомъ.

Съ помочію тѣхъ 38 бȣквъ выражала греко-словенскаꙗ азбȣка всѣ звȣки пребогатого словенского ѧзыка, и дала основаніе такой правописи, котора до нынѣшнего днѧ наполнѧе весь ȣ҆ченый міръ ȣ҆дивленіемъ, и возбȣжае найвысшое длѧ себе почитаніе. Не станемъ приводити тȣтъ въ честь еи важныхъ и въ цѣлой Європѣ высоко цѣнимыхъ словъ Добровского, Копитарѧ, Востовова, Шафарика, Миклосича и иныхъ первостепенныхъ ѧзыкослововъ; не бȣдемъ наводити ихъ всепохвальныхъ и рѣшительныхъ въ томъ предметѣ мнѣній, — ибо на то належало бы писати особне просторонное дѣло. Мы скажемъ лишь коротко, що обокъ найлȣчшои правописи, ꙗка коли въ Європѣ сȣществовала, обокъ правописи классичной, старо-греческой,—найпершое мѣстце признано правописи старословенской, понеже таꙗ, розвиваючисѧ въ сȣсѣдствѣ и подъ вліѧніемъ глȣбокопонѧтой греческой наȣки, соединила въ чȣднȣ стройнȣю цѣлость два сіи свойства правописного совершенства: докладное произношеніе и коренное произхожденіе словъ бесѣды словенской. Сіе преимȣщество надавали ей особливо овіи 14 бȣквъ природно-словенскихъ; и тоеже преимȣщество сȣществȣе также въ нашой словено-рȣской правописи, котора вѣдь всѧ составлена на основаніи правописи греко-словенской.

Роскрыйте старинніи Словенъ книги, возьмѣть до рȣкъ Остромирово Євангеліе, — тȣтъ зачȣдȣетесь, наполнитесѧ непонѧтнымъ восторгомъ надъ тою точностію, надъ тѣмъ постоꙗнно правильнымъ складомъ, съ ꙗкимъ слово за словомъ писано отъ первой строки до послѣднѣй. Перенесетесь мыслію въ старинȣ, на девѧть вѣковъ отъ насъ отдаленнȣ; воображаете собѣ побожного мȣжа, воспитанного свѧтою вѣрою Христа и чȣдною наȣкою классической Гелады: онъ сидитъ въ своей самотной кельи, — и пише книгȣ словенскȣ. А ꙗкъ пише? ото, не едино такъ, ꙗкъ всѧкій звȣкъ произноситъ, но оразъ чертае въ кождомъ словѣ съ видимымъ розличіемъ самъ же корень слова. Не мѣ-

шаютъ ему въ томъ подобнозвучніи буквы, якъ на пр. ю, ѣ; і, и; и, ы; ѧ, ен, ѫ; ж, ш; сч, шт, щ; з, с; дс, тс, ц; пс, ѱ; ъ, ь, и пр.; но онъ, знаючи каждой изъ тѣхъ буквъ первобытне коренное значеніе, ставитъ кажду на ей природномъ мѣстцѣ. Чудно, поразительно соблюдае онъ строгую постоянность въ словенской правописи, и коли послѣ долгого, прилѣжного труда совершитъ свое дѣло, — не найдешь въ ономъ ни одного бôльшого грѣха противъ высокой языка науцѣ!

Не можемъ входити тутъ въ подробное изложеніе правилъ отличной старословенской правописи, понеже належало бы намъ говорити просторонно о всякой буквѣ такъ самогласной, якъ и согласной, що властиво предметомъ есть особнои языкословной науки: звукословія. Тожь отсылаючи Пчт. Читателей къ дотычнымъ трудамъ извѣстныхъ словенскихъ языкослововъ, преимущественно же къ неоцѣнимымъ трудамъ Пр. Миклосича *), мы приведемъ ту для поясненія нашого предмета лишь одинъ примѣръ, которымъ докажеся вышереченное преимущество словенскои правописи. Ото беремъ два слова: свѣтъ и свѧтъ, которі ведлѧ старинного прознышенія самогласныхъ ѣ и ѧ имѣли звукъ приблизительно подобный, но корени вовсе розличнй. Если бы древніи Словене, пишучи слово свѣтъ, были слѣдовали едино своему выговору, то на пр. сѣверніи были бы писали: свьетъ, свѣтъ или сьвітъ, южніи и западніи: светъ, свейтъ, святъ; такъ и слово свѧтъ сѣверніи писали бы: святъ, сьвьетъ или свѣтъ, южніи же и западніи: светъ, свѣтъ, свентъ; — а однакожь всѣ Словене, употреблявшіи греко-словенскую правопись, не смотрячи на существовавшое уже тогда розличіе выговора, писали постоянно и неизмѣнно лишь: свѣтъ и свѧтъ; и такъ розличили оразъ видимыми отмѣнными знаками оныхъ словъ корень или произхожде-

---

*) Именно относятся сюда: Die Lautlehre, и die Wurzeln des Altslovenischen von Fr. Miklosich. Послѣднее дѣло вышло въ Вѣдни 1857, и заслугуе на всеобщое у Словенъ роспространеніе. (Стоитъ лишь не сполна 1 р. нов.)

ніє, которое толкуеся нынѣ весьма оумно на основаніи поровнательного индо-европейского ѧзыкословіѧ.

Сей примѣръ наводитъ насъ мимовольно еще на одно преимущество, которымъ отличалась словенскаѧ правопись и отличаеся передъ иными донынѣ. Думаемъ тутъ розличное произношеніе однихъ и тѣхъ же буквъ ведлѧ розличіѧ нарѣчій словенскихъ. Изъ поровнаніѧ слѣдующихъ 8 буквъ ведлѧ розличного произношеніѧ ихъ въ шести головныхъ ѧзыкахъ словенскихъ оувидимъ то преимущественное свойство словенскои азбуки найѧснѣйше:

Стар. слов.	Польск.	Руск.	Россійск.	Чешск.	Сербск.
г, g	g	, h	г, g	h	г, g, ch, h
н, i	i	н, y, i	н, i	i	н, i
ъı, y	y	ы, y	ы, y	y, i	ы, i
ѣ, je, ē, ja	ja, je	ѣ, i	ѣ, je, (jo)	je, ě, i	ѣ, je, ije, i
ѧ, ę	ę, ą	ѧ, ja, je, a	ѧ, ja, je, a	a, e, je	(ѧ), e, je
ѫ, ą	ą, ę	оу, u	у, u	ou, u	у, u
о, o	o, u	о (ô), o,i,u	о, o, a	o, u	о, o (a)
є, e	e, je, jo, o	є (є̂ ё), e,i,jo	є, ё, je,jo,o	e, je	є, e.

Изъ того поровнаніѧ видно, що одна и та же словенскаѧ буква произноситсѧ ведлѧ розличныхъ нарѣчій розлично, и що, пишучи ю ведлѧ того розличіѧ нарѣчій буквою латинскою, належитъ оупотребити къ тому не одной лише латинской, но множайхъ; що такимъ дѣломъ словенскаѧ азбука мае на множаи звуки одинъ и тотже знакъ, латинскаѧ же множаи.*) Тѣмъ преимущественнымъ свойствомъ розличного произношеніѧ одной и тоиже буквы отличалась обокъ словенской такожь греческа правопись. Оу Грековъ бо такъ старинныхъ, ѧкъ и нынѣшнихъ встрѣчаемъ подобное же розличіе нарѣчій, а ведлѧ тѣхъ и розличное нѣкоторыхъ буквъ произношеніе; такъ на пр. греческое:

---

*) На своемъ мѣстци покажемъ еще, що латинскаѧ правопись въ розличныхъ ѧзыкахъ мае не только длѧ множайхъ звуковъ знаки множаи, но и длѧ одного и того же звука знаковъ — до десѧти!

H, η звȣчитъ ꙗкъ продолженное е — и оразъ ꙗкъ долгое i,
Ω, ω ,, ,, ,, o — ,, ,, ,, ,, u*),
Θ, ϑ ,, ,, латинское th (тχ) — ,, ꙗкъ англійское th (tz),
Z, ζ ,, ,, ,, z — ,, ,, польское dz,
B, β ,, ,, наше в — ,, ,, наше в.

Се есть преимȣщество, которое надае одной и той-же азбȣцѣ обокъ оного свойства: выражати докладно корени слова, еще и сію рѣдкȣю властность: ȣ̑доволити всѧкимъ отмѣнамъ произношеніꙗ ведлѧ розличіꙗ одноплеменныхъ нарѣчій. Сїе то послѣднѣе превосходное свойство греко-сковенской азбȣки наводило ȣ̑же нѣкоторыхъ ȣ̑ченыхъ въ Чехахъ и Хорваціи на мысль, ȣ̑потреблѧти, вмѣсто сȣществȣющой тамъ латинской азбȣки, нашȣ словенскȣ; однакожь сїе ȣ̑потребленїе нынѣ еще дȣже тамъ обмеженное.**)

Такъ дȣмаемъ, що достаточно изложили мы тȣтъ и внѣшніи и внȣтренніи преимȣщества азбȣки греко-словенской, а съ тою же разомъ и нашой словено-рȣской. Сіꙗ бо послѣднѧ произойшла безпосредно отъ первой, и есть нѣꙗко тою же самою. Все розличїе, ꙗке межи ними двѣма заходитъ, есть не много отмѣнное произношенїе извѣстныхъ пѧти бȣквъ и застȣпленїе одной изъ нихъ иною (ж=ȣ, ȣ̑). Сіꙗ азбȣка, а съ нею правильна словенскаꙗ правопись сохранѧлась на Рȣси всецѣло и ненарȣшимо выше девѧти сотъ лѣтъ, и никто оу насъ не посмѣлъ дѣлати ꙗковыхъ нововведеній, бо всѧкій оувѣренъ былъ въ ей высокомъ совершенствѣ, и всѧкій предпочиталъ ю ȣ̑ насъ надъ всѣ иніи

---

*) Що греч. ω звȣчала также ꙗкъ наше Ѵ, доказȣе давный греческій способъ писаніꙗ имени *Ρως*=Рȣсь, оуживаный Греками отъ того времени, коли се имѧ оу насъ завелосѧ (отъ Рюрика и его Варѧгорȣтсовъ, 862 г.).

**) Оупоминаемъ тȣтъ о книжечцѣ чешской, изданной подъ заглавіемъ: „Новый правописъ ческій, Пȣхмира", котора всѧ печатана гражданкою. Къ томȣ же въ чешскихъ, хорватскихъ и словѣнскихъ „Читанкахъ" школьныхъ, издаваемыхъ В. Правительствомъ, сȣть рѣшеніꙗ „загадокъ" печатаній кириллицею, що доказȣе, ꙗко и В. Правительство оузнае потребȣ обзнакомленіꙗ съ оною азбȣкою и тѣхъ Словенъ, котори оуживаютъ бȣквъ латинскихъ.

азбуки. Единое нововведеніе, ıаке въ новѣйшомъ времени, при самостоıательнѣйшомъ розвиваніи руского народного ıазыка показалось потребнымъ, состоитъ лише въ поверховномъ означеніи четырехъ греко-словенскихъ буквъ, которіи при томъ вовсе не тратıатъ своеи первобытнои формы, и причиниаются едино къ точнѣйшому выраженію звуковъ, свойственныхъ мало-руской бесѣдѣ. Суть то сіи 4 извѣстніи буквы: ô, ê (ё), и, ж. Первіи двѣ, выражаючіи звукъ тонкого ї, завелъ передъ 25 лѣты многоученый Оукраинецъ Пр. М. Максимовичъ; буква ё=jo заимствована изъ такъ званои гражданки; буквы же й, ж=дж розвились естественно за новѣйшого времени оу насъ въ Галичинѣ. Но ıакъ сказано, тіи буквы вовсе не измѣнили внутреннего складу греко-словенскои азбуки; они, оуживанніи Мало-Русинами, стоıатъ на томъ же самомъ мѣстци, на которомъ ставились черезъ тысıачь лѣтъ ихъ прототипы безъ дашковъ и точокъ, а кромѣ того оставлено се свободѣ всıакого руского писателıа, ôуживати оніи дашки и точки всюда, или зъ рѣдка, или же вовсе не оуживати, тѣмъ больше, що и выговоръ нашъ народный въ произношеніи стисненыхъ о, е, не всюда звучитъ ıако і, но произноситсıа иногда ıакъ у, иногда же также чисто, полно, ıакъ въ старословенскомъ.*)

Всецѣло, ненарушимо, ıакъ свıатаıа вѣра оу нашихъ предковъ, ıакъ найдорожшій скарбъ народа, сохранıалось оу насъ черезъ только вѣковъ письмо грекословенское, — произведеніе глубокопонıатой науки, чудный плодъ классическои Греціи и праматери нашой словенской! Долгіи столѣтіıа освıатили оу насъ письма того ôупотребленіе; многіи свıатіи, богоизбранніи мужи писали нимъ свıатое слово, такъ, що ôуже своею послугою къ свıащенной цѣли, къ дѣламъ Христіанскои цер-

---

*) Вѣдь говорıатъ оу насъ заровно Бôгъ ıакъ и Богъ, рôкъ и рокъ, старôсть и старость и пр.; въ оугорской же Руси заровно Бугъ, рукъ, кунь, ıакъ и Богъ, рокъ, конь; говорıатъ оу насъ также лêдъ, лёдъ ıакъ и ледъ, лêнъ и ленъ, въ своёмъ лѣту ıакъ и въ своїмъ и своемъ лету. — Впрочемъ, Русины оугорскіи оныхъ значкованыхъ буквъ вовсе не оуживаютъ.

кви, оно даже и въ высшомъ значеніи освѧтилосѧ. Черезъ весь десѧти-вѣковый протѧгъ историческокого сꙋществованіꙗ Рꙋси подавало оно безъ перервы нашомꙋ народꙋ єдиный приставъ къ свѧтынѣ высокихъ правдъ Божихъ, небесной наꙋки и небесного откровеніꙗ; а отъ блаженного времени словесного нашого возрожденіꙗ оно єдино и преимꙋщественно пригадало намъ, що мы Рꙋсины, тіиже Рꙋсины, которіи за Владимира окрестились, и съ словомъ Христа письмо словенское приняли! Сіе письмо такъ священне, такъ оу насъ многоцѣнимое, рѣшилсѧ нынѣ одинъ нѣбыто червоно-рꙋскій писатель застꙋпити письмомъ инымъ, иною правописію!

Приглѧнѣмсѧ томꙋ то иномꙋ письмꙋ и той иной правописи въ статьи слѣдꙋющой.

II.

Мы оупоминѧнꙋли въ статьи I-ой, що передъ тысѧчꙋ лѣтами сꙋществовали въ Європѣ три азбꙋки: греческа, латинска и словенскаꙗ. Однакожь, если подъ азбꙋкою словенскою розꙋмѣемъ глаголицю, отъ греческой вовсе отмѣннꙋю, то справедливше скажемъ, що сꙋществовали тогда въ Європѣ лишь двѣ самобытніи азбꙋки: греческа и словено-глагольскаꙗ. Изъ слiꙗніꙗ тѣхъ обоихъ розвилась може єще и въ Меѳодієво времѧ († 885) азбꙋка греко-словенскаꙗ. Изъ греческой же самой произойшла єще на ꙗкихъ 300 лѣтъ передъ Христомъ азбꙋка латинска, котора всѧ такъ дꙋже сходствꙋє съ своимъ первотворомъ, що и не заслꙋгꙋє числитисѧ тꙋтъ особенною, тѣмъ меньше же называтисѧ самобытною*). Розсмотрѣмъ тꙋтъ сію азбꙋкꙋ

*) Такъ само, ꙗкъ никто изъ ѧзыкослововъ не оуважає особенною или самобытною азбꙋкꙋ годскꙋю, которꙋ въ г. 550 по Р. Х. годскій богословъ Оулфилѧ начерталъ бꙋква за бꙋквою по образꙋ азбꙋки грече-

близше, а ꙋ̂вѣримсѧ въ правдѣ словъ нами сказаныхъ.

Латинскаꙗ азбꙋка состоитъ ведлѧ найдавнѣйшого складꙋ своего изъ слѣдꙋющихъ 24 бꙋквъ: A, B, C, D (d), E, F, G (g), H (h), I, K, L (l), M, N (n), O, P, Q, R (r), S, T, U, V, X, Y, Z. Тꙋтъ зъ изъѧтїемъ трехъ бꙋквъ g, h, q, и не много що до формы отмѣненыхъ трехъ D, L, R, всѣ прочїи бꙋквы сꙋть живцемъ старо-греческїи. Но даже тїи 6 отмѣннїи бꙋквы, если розберемъ ихъ точнѣйше, покажꙋтсѧ такожь греческими. Бꙋква бо g есть заокрꙋглене, а h горою поставлене греческое γ (λ=h*); q есть слїꙗнїемъ греческихъ σ и γ въ однꙋ (σγ=q); D, есть заокрꙋглене греческое Δ=D; L, l повстало зъ греческои Λ за отверженїемъ переднѣи черты; R есть греческое P съ додаткомъ черты ∖ изъ бокꙋ R. Такъ нѣтъ въ латинской азбꙋцѣ ни однои собственно латинскои бꙋквы.

Що до произношенїꙗ нѣкоторыхъ оныхъ бꙋквъ, Римлѧне отстꙋпили не много отъ Грековъ. То розличїе произношенїꙗ состоитъ въ слѣдꙋющихъ бꙋквахъ:

Греческое:	латинское:
B=в, в, ...	B=б (всегда);
C=с (σ, ς), ...	C=ц, к;
F=в, ...	F=ф;
H=е, і, ...	H=г (h);
P=р (ϱ); π=п, . . .	P=п; n=н;
X=χ, ...	X=кс, ѯ.

А кромѣ того сдѣлали Римлѧне изъ одной греч. бꙋквы Y (υ) длѧ выраженїꙗ своихъ звꙋкôвъ ажь три межи собою розличнїи U, V, Y, — который то троꙗкїй звꙋкъ имѣла, ведлѧ розличного своего поставленїꙗ въ словѣ, такожь греческаꙗ Y; — такъ ꙗкъ изъ двоꙗкихъ формъ однои греч. бꙋквы с (c, ς) сдѣлали они двѣ

ской. Письмо же такъ зване годско-нѣмецкое произойшло изъ соединенїꙗ формъ греческихъ и латинскихъ, и то въ времени до насъ далеко близшомъ. Такъ Греки наꙋчили всю Европꙋ писати!

*) Великое G есть греческое G, зъ которого Римлѧне, мало измѣнивши, сдѣлали двѣ бꙋквы: C и G.

по произношенію цѣлкомъ розличніи с и s, а изъ одной у ажь три гортанніи согласнѝ g, h, q*).

Изъ обозрѣнія внѣшнёго складȣ латинской азбȣки видимъ, що Римляне, бȣдȣчи и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ вѣрными послѣдавателями Грековъ, не напрягали собѣ также тȣтъ ȣ̂ма, абы произвести щось нового, самобытного, абы создати дѣло отъ греческого цѣлкомъ отмѣнное. Но мы, познавши недостижимое превосходство греческой азбȣки, должнѝ тȣтъ Римлянъ за то лишь похвалити и откровенно признати, що они въ семъ отношенін постȣпили весьма благорозȣмно.

Не такъ счастливѝ были Римляне въ наслѣдованін греческой правописи, котора, якъ извѣстно, оумѣла соединити въ стройнȣю цѣлость тіи два превосходніи свойства: докладное словъ и произношеніе и произхожденіе, чего послѣднёго на противъ латинска, за недостаткомъ потребныхъ къ томȣ множаихъ еще знакôвъ, не всегда возмогла осягнȣти. Сію недостаточность своей правописи чȣвствовали самін ȣ̂же Римляне, и бȣдȣчи ознакомленѝ оразъ съ греческою, возносили тȣю высоко надъ свою, и съ цѣлымъ вольноȣміемъ признавали такъ правописи, якъ и всей словесности греческой первенство и преимȣщество передъ своею. Тожь хотя съ временемъ подбили они сію классическȣю землю; хотя завладѣли надъ всѣми роздроблеными племенами Гелады; хотя владѣли, якъ свѣдчитъ исторія, не всегда съ признаваніемъ правъ и властности греческого народа: но все таки не посмѣли они во все время своего владѣнія ни нарȣшати ни рȣгати произведенѝй греческого ȣ̂ма, тѣмъ меньше же накидати Грекамъ своей азбȣки или правописи. И воистинȣ, дивный то и рѣдкій

*) Тіи то нѣкоторіи, бȣдь потребніи, бȣдь даже и вовсе не потребніи, произвольніи измѣненія и перекрȣченья бȣквъ греческихъ подавали и подаютъ нынѣ навѣть многимъ поводъ до совершенного розличенія азбȣки латинской отъ греческой и до нареченія овой первой самобытною, не-греческою. О скôлько то розличеніе справедливо, докажеь повысшое сровнаніе ажь надто ясно.

примѣръ въ исторіи: Римлане, сей народъ гордый, властелюбивый, жаждущій всемірнои славы, — тіи Римлане, котори цѣлому полсвѣту накинули свое владѣнье, свой языкъ, свою азбуку, — тіи Римлане не дерзнули николи навѣть предложити Грекамъ, абы они къ лучшой для римскихъ племенъ выгодѣ закинули греческое письмо, а приняли латинское! Такъ благородно заховалися свѣтовладніи Римляне въ отношеніи къ покоренным Грекамъ, бо вѣдь не были они невѣжами въ греческой словесности, и знали цѣнити весь составъ еи такъ внутренній, якъ и внѣшній.

Но вернѣмъ снова къ нашому предмету. Мы упомянули, що латинская правопись не осягнула совершенства греческои, особливо для того, що не была въ состояніи чертати съ належитою точностію въ кождомъ латинскомъ словѣ оразъ его корень или произхожденіе, якъ то чертала въ греческихъ словахъ правопись греческа. Сія послѣдня возмогла дѣлати тое весьма удобно, бо въ еи азбуцѣ находились подобнозвучніи буквы въ двоякой формѣ, якъ то суть на пр. ε, η; ι, υ; o, ω; τ, ϑ; $\varkappa$, χ, которіи преимущественно служили для видимого розличенія кореней, и которіи всякій Грекъ умѣлъ докладно розличати и ставити въ письмѣ на определенномъ мѣстци. Римляне же зъ изъятіемъ двойного к (c, q) не имѣли въ своеи азбуцѣ того двойственного буквъ розличенія, и въ слѣдствіе того не могли они съ всею точностію удовлетворити другому свойству добрoи правописи. Вѣдь бо приняли они азбуку отъ Грековъ, измѣнивши при томъ нѣкоторіи греч. буквы лишь малозначно, а откинувши тіи, котори для ихъ языка видѣлися непотребными; буквъ же иныхъ, якіи для извѣстнои другои цѣли были бы имъ еще придалися, они не посмѣли ни изъобрѣтати, ни зъ якои инои азбуки занимствовати. Причина того лежала въ семъ обстоятельствѣ, що Римляне не принимали ничого нового отъ иныхъ „варварскихъ" народовъ, якъ лише отъ просвѣщенной Греціи; а тутъ Греція не могла имъ всего для нихъ потребного дати, — и они не творили сами ничого нового.

Не смотря на тотъ недостатокъ, латинская пра-

вопись выражала принайменѣй произношеніе всякого латинского слова, а выражала тое, о скôлько возможно, докладно и весьма просто, невынуждено. Въ правописи древнихъ Римлянъ не найдете чудовищного стеченія множанихъ самогласныхъ или согласныхъ, не найдете въ латинскомъ словѣ бôльше буквъ, нежели якъ есть потреба, абы тое слово ведля кождои его буквы выговорити. Такъ старо-римская правопись держалась принайменѣй строго сего правила: „пиши такъ, якъ говоришь, и говори такъ, якъ пишешь.“ Оуже черезъ наблюданіе того одного правила была сія правопись для Римлянъ добра, а хотя не совершенна, то по крайнѣй мѣрѣ внѣшнѣму выраженію ихъ языка оудовлетворительна.

Не такою однакожь показалась она для иныхъ народôвъ Европы въ то время, коли и тіи, отдѣлившись отъ римской державы на жизнь самостоятельну, и отсторонаючи мало по малу накиненый имъ языкъ своихъ прежнихъ владѣтелей, стали наконецъ писати родимымъ своимъ словомъ. Пригадаймо собѣ тутъ сіе событіе по сказаніямъ всемірной исторіи:

Еще передъ совершеннымъ паденіемъ полсвѣтовои римскои державы, роздѣлилась таяже за царя Θеодосія (395 по р. Хр.) на два великіи царства: на западно-римское царство, и на восточно-римске или греческое. Въ неспо̂лна сто лѣтъ послѣ того роздѣленія пало римское царство; греческое же, хотя многіи столѣтія еще продолжалось, но тратило за кождымъ вѣкомъ на значеніи и власти, и съ кождымъ вѣкомъ клонилося къ такому же оупадку. Не смотря на то, продолжалось духовое, словесное вліяніе отъ сихъ двоихъ державъ на остѣнніи и отдаленніи народы рѣшительно до IX столѣтія, а въ нѣкоторой части оно продолжаеся и донынѣ. Вліяніе то роспространялось отъ Рима на весь западъ, — отъ Греціи на востокъ Европы. Въ IX-омъ и въ первыхъ по немъ слѣдующихъ вѣкахъ начинают оніи Римлянамъ и Грекамъ сусѣдніи народы писати своимъ природнымъ, питомымъ языкомъ. Восточніи Словене, найблизшіи сусѣды Грековъ, составляютъ собѣ въ то время греко-словенскую азбуку, и пишутъ нею священніи книги въ родимомъ словѣ. Яку послугу сдѣ-

лала имъ оная азбука, видѣли мы въ статьи передней; тутъ же постараемся выказати, якъ поступили собѣ тогда западніи народы, абы своимъ розличнымъ языкамъ дати выраженіе въ письмѣ, въ книгахъ.

Западно-европейскіи народы приняли къ той цѣли азбуку латинску или римску, котора въ оное время, за введеніемъ буквъ скорописныхъ, по внѣшнёшу виду еще бôльше розличилася отъ греческой своеи матери. За принятіемъ латинскои азбуки належало подумати и о правописи. Тутъ встрѣтились всѣ западніи народы съ великою, непреодолимою трудностію. Живцемъ приняти римскую правопись не могли они оуже зъ той причины, понеже въ латинской азбуцѣ не было знакôвъ, выражающихъ оніи отмѣнніи звуки, якіи собственно находились лишь въ ново-европейскихъ языкахъ, а якихъ въ старинномъ языцѣ Рима вовсе не бывало. Были то именно смягченніи или ствердн ѣліи звуки самогласніи и согласніи, якіи и нынѣ въ языкахъ оныхъ существуютъ. Належало заступити тотъ недостатокъ латинскои азбуки якимъ то средствомъ, абы выразити можь нею и прочіи звуки отъ латинскихъ отмѣнніи. Изъобрѣтати на то новыхъ буквъ или вводити якіи инородніи никто и не подумалъ. Неоставало ничого иного, якъ поддати нѣкоторымъ латинскимъ буквамъ отмѣнный звукъ, а если и то оказалобыся недостаточнымъ, соединити кôлька буквъ въ одну толпу, и тоюже выразити звуки чужіи латинѣ. И такъ воистину сдѣлано. — Но понеже тогда не знано еще всемірныхъ съѣздовъ, ни европейскихъ конференцій, которіи могли были отъ всѣхъ западныхъ народôвъ гдесь на одно мѣстце собратись съ тою цѣлію, абы изъ буквъ латинскихъ сотворити такіи правописніи комбинаціи, которіи имѣли бы выражати оніи розличніи звуки, и оразъ завестися ведля потребы оу всѣхъ дотычныхъ такъ соплеменныхъ якъ и несоплеменныхъ народовъ; — понеже, кажемъ, не было тогда такого благодѣтельного съѣзда: то не дивно, що овіи правописніи комбинаціи, составляеміи тогда оу кождого народа въ особности, безъ согласія съ племенами другими, розвились въ розличныхъ краяхъ запада въ такой несогласной пестротѣ, о якой никто нынѣ ани бы подумалъ!

Въ слѣдствіе того отъособненного снованія розличныхъ правописныхъ комбинацій на подставѣ буквъ латинскихъ, породилось въ Европѣ—не ведля трехъ головныхъ племенъ (романского, германского и западно-словенского) три особенніи правописи,—но выше надъ двадцять, яко: латинска, италіянска, французска, ишпаньска, португальска, нѣмецка, датчанска, англійска, скандинавска, старо-и ново-чешска, старо-и ново-польска, старо-и ново-хорватска, и южно-словѣнска, мадярска, наконецъ латинско-турецка и пр., зъ которыхъ одна отъ другои значно есть розлична, и зъ которыхъ кожда (изъятно старыхъ западно-словенскихъ) донынѣ еще существуе.

Присмотрюючися тѣмъ розличнымъ правописямъ дивное найдемъ ту явленіе. Смотришь на кожду изъ нихъ, и въ кождой видишь одни и тіиже сами латинскіи буквы. Если знаешь по латинѣ читати, то здаеся тобѣ, що сдолаешь уже читати и по италіянски, по англійски и пр. и пр. Но куда тамъ! Безъ попередней кількомѣсячной науки въ читанью; безъ руководства свѣдущого учителя, которому, особливо для изъученія англійскои правописи, мусишь прислухиватись рокъ или навѣть два лѣта; безъ прилѣжныхъ трудивыхъ упражненій, не перечитаешь и пять слôвъ ведля чистого, природного выговора! И якажь тобѣ корысть зъ того, що знаешь докладно латинскіи буквы, коли съ онымъ знаніемъ не съумѣешь перечитати ни пять французскихъ, англійскихъ слôвъ, писаныхъ тѣми же буквами? Якая корысть зъ твоихъ знаній въ латинѣ, если для изъученія англійскои правописи, составленнои на латинской азбуцѣ, потребуешь рокъ, или два лѣта? А скôлько времени нужно тобѣ еще, абысь научился читати добре ведля всѣхъ выше помянутыхъ будьто латинскихъ правописей?

Уже тіи вопросы, которыхъ значеніе извѣстне кождому, кто хотя кôлька западно-европейскихъ языковъ изъ книжокъ учился, наводятъ насъ мимовольно на мысль, що приноровленіе однои и тоже азбуки къ розличнымъ языкамъ, вмѣсто абы книжное ихъ изъученіе улегчити, еще оное утрудняе, особливо же въ томъ случаѣ, если приноровленная азбука не подае сама

собою природныхъ средствъ длѧ выраженіꙗ незнаныхъ ей звȣкôвъ. Мы знаемъ, щѡ овыхъ ново-европейскихъ звȣкôвъ не было ни въ греческой азбȣцѣ; мимо того приноровили ю восточніи Словене до своего письма, однакожь такъ, щѡ длѧ выраженіꙗ не-греческихъ звȣкôвъ не творили изъ тои азбȣки произвольныхъ правописныхъ комбинацій, но просто прибрали къ сей цѣли 14 бȣквъ изъ своеи же древнѣи глагольско-словенской азбȣки. На противъ, западнаꙗ Європа принѧвши латинское письмо запȣстилась, еще въ то давное времѧ, въ выдȣмкȣ многосложныхъ правописныхъ комбинацій, длѧ близшого познаніꙗ которыхъ отсылаемъ Пчт. Читателей до особенныхъ дѣлъ грамматическихъ. Тȣтъ же не можемъ пропȣстити хоть обмеженного осмотрѣніꙗ тѣхъ знакôвъ, которй оуживаютсѧ длѧ выраженіꙗ однихъ и тѣхъ же самыхъ ново-европейскихъ звȣкôвъ.

Чертаѧ въ верхȣ наши поедничіи или весьма просто и природно сложеніи бȣквы ставимъ подъ ними длѧ порôвнательнои цѣли бȣквы латинскіи ведлѧ осми бôльше извѣстныхъ правописей:

Греко-слов.	ж	ц	ч	ш	щ	ль	нь
Итал.	gi [дж]	z	c	sci	[scic]	gli	gn
Франц.	j, g	ts	tch	ch	[chtch]	l	[ni]
Ишпанск.	—	z	ch	ch, x	—	l, lh	ñ, nh
Нѣм.	—	z, tz	tsch	sch	[schtsch]	li	[nj]
Ꙗнгл.	g, dj	ts	ch	sh, ti	(shch]	li	[ni]
Чешск.	ž	c	č	š	šč	l'	ň
Польск.	ż	c	cz	sz	szcz	l	ń
Мад.	dzs [дж]	cz	cs	s	[scs]	ly	ny

Въ такій то многоразличный способъ дополнили западно-европейскіи народы недостатокъ принѧтой ними латинскои азбȣки!

Єсли застановимсѧ надъ тою правописною пестротою, если возьмемъ къ томȣ въ ôуваженіе, щѡ навѣть звȣки, сȣществовавшіи въ старо-римскомъ и ново-европейскихъ ѧзыкахъ, прибрали тȣтъ значеніе, цѣлкомъ противное томȣ, ꙗке они имѣли въ азбȣцѣ латинской, ꙗкъ то на пр. бȣквы g и j, c и z; если замѣтимъ, щѡ греческа бȣк-

ва K, общаꙗ всѣмъ европейскимъ ѧзыкамъ, застꙋплена
ведлѧ тѣхъ розличныхъ правописей, и то бôльшою ча-
стію безъ потребы, иными бꙋквами, ꙗко: c, ch, q, qu,
k, kh, g, x; если скажемъ, що подобніи измѣненіꙗ сдѣ-
лано и съ лат. звꙋками самогласными, такожь зарôвно
общими старымъ и новымъ европейскимъ ѧзыкамъ;—
если все тое возьмемъ на оувагꙋ, то прійдемъ тꙋ до за-
ключеній, майже непріꙗзныхъ латинской азбꙋцѣ.

Она бо латинскаꙗ азбꙋка, даръ стариннои Греціи,
сама по собѣ добра есть, и доброю была длѧ Римлѧнъ;
но отъ времени, коли завелась и оу прочихъ народовъ за-
падной Европы, произвела, по своимꙋ недостаткꙋ, крайнѣе
замѣшательство, весьма невыгодное длѧ взаимныхъ
отношеній и общого порозꙋмѣніꙗ народовъ по части ихъ
словесной.

Извѣстно, що въ новѣйшомъ времени, отзыва-
лись оуже не разъ голосы, особливо въ Франціи и Нѣмеч-
чинѣ, стремѧщіи къ томꙋ, абы на подставѣ бꙋквъ ла-
тинскихъ составити новꙋ правопись, общꙋ и однообраз-
нꙋ длѧ всей западной Европы. Но тіи голосы нынѣ оу-
молкли, — и все тамъ остае несогласно, по старомꙋ. И
донынѣ пишꙋтъ Францꙋзы: eau, а вымовлѧютъ: ō
(вода); пишꙋтъ fois, genou,gueule, daigner, anjourd'-
hui, а вымовлѧютъ: фоа, жнꙋ, ґель, денье, ожꙋрдвй;
донынѣ пишꙋтъ Ѧнгличане: enaugh, psyche, is, nation,
а вымовлѧютъ: инаф, сайки, айс, нешьн. Воистинꙋ, оуже
изъ тѣхъ примѣрôвъ можно бы поставити, особливо
длѧ английской правописи, сіе нелѣпое правило, нашомꙋ
и вообще здоровомꙋ розꙋмꙋ цѣлкомъ противное: „пиши
иначе, нежели говоришь, а говори иначе, нежели пишешь!"

Но меньша тамъ о правописи чꙋжихъ, отдаленныхъ
отъ насъ народовъ; намъ бôльше ходитъ нынѣ о осꙋ-
жденіе правописи нашихъ соплеменникôвъ и сꙋсѣдъ, —
Читатели сами догадаютсѧ, длѧ чого. — Дꙋмаемъ
тꙋтъ именно на правописи польскꙋ, чешскꙋ и мадѧрскꙋ.

Всѣ тіи три правописи, основаній на латинской аз-
бꙋцѣ, маютъ особеннꙋю исторію своего розвитіꙗ, и рѣ-
шительно роспадаютсѧ на два отмѣнніи дѣлы: на ста-
рꙋ и на новꙋю. Стараꙗ правопись такъ Чеховъ, ꙗкъ
Полѧкôвъ и Мадѧровъ розвивалась подъ вліꙗніемъ ста-

ро-нѣмецкои, и зъ той причины имѣла много примѣтъ съ оною сходныхъ. Такъ на пр. бȣква с звȣчала во всѣхъ трехъ реченыхъ правописахъ часто ꙗкъ к; sz=с; cz=ц; cs, css=ч; s, ss,=ш; g=й; gg=д; ll=л; v, f,=в и пр., ꙗкъ о томъ всемъ можно поȣчитись изъ старыхъ чешскихъ, польскихъ и мадярскихъ памятниковъ, и ꙗкъ то нѣкоторое видѣти можно въ новой мадярской правописи, котора где що изъ сихъ примѣтъ донынѣ сохранила. Такъ видимъ, що старіи правописи нашихъ западныхъ и южныхъ сȣсѣдъ стоꙗли съ собою въ близкомъ соотношеніи, и давный Полякъ мôгъ довольно легко читати оразъ чешскȣ и мадярскȣ книгȣ ведля настоящого произношеніꙗ; бо находилъ тамъ для новоевропейскихъ звȣкôвъ майже тіи саміи правописніи комбинаціи, ꙗкіи были въ книгахъ старо-польскихъ. Иначе то сталось въ позднѣйшомъ времени, коли оу оныхъ трехъ народôвъ заводился новый способъ правописаніꙗ. Примѣты, которіи по старой правописи были для трехъ языковъ сходніи, майже еднаки, перемѣнила новаꙗ правопись въ три значно отъ себе отмѣнніи формы, такъ, що нынѣ чешскаꙗ правопись рѣшительно розличаеся отъ польской, польска отъ мадярской.

Въ сравнительной правописной таблицѣ, наведеной нами повыше, показано оуже то розличіе, ꙗке въ выраженіи шести звȣковъ по правописи чешской, польской и мадярской нынѣ заходитъ; тȣтъ приведемъ еще нѣкоторіи иніи бȣквальніи скойства, ꙗкіи однȣ изъ тѣхъ правописей отъ дрȣгои розличаютъ. Для лȣчшого поꙗсненіꙗ приведемъ тȣ нѣкоторіи наши твердіи согласніи въ соединеніи съ ꙗкою оумягченною самогласною (на пр. ꙗ), и оразъ кôлька старо-словенскихъ звȣковъ; и такъ пишеся:

слов.	дꙗ,	лꙗ,	мꙗ,	нꙗ,	тꙗ,	зь,	сь,	рь,	ѣ,	ѫ,	[о]
чешск.	dja,	lja,	mja,	ňa,	tja(t'a),	zj,	sj,	ř,	ě,	ou, ů,	ů
польск.	dia,	la,	mia,	nia,	tia,	ź,	ś,	rz,	je, ie,	ą,	ó,u
мад.	gya,	lya,	mya,	nya,	tya	—	—	—	é,	om,	—

Изъ того порôвнаніꙗ видимъ, що для смягченіꙗ звȣкôвъ оуживае кожда изъ трехъ бȣпомянȣтыхъ пра-

вописей значно отмѣннія буквъ соединенія; що одна преимущественно бере къ тому букву j, друга і, третья у, которіи то 3 буквы, уже по настоящому ихъ значенію, рѣшительно отъ себе суть розличнй. Не приводимъ тутъ еще больше иныхъ примѣтъ правописного розличія, бо то завело бы насъ въ толки, надто просторонніи, а мы ради бы здѣсь еще о своемъ дѣлѣ говорити, именно же доказати неудобность латинскои азбуки къ письменности руской.

Хотя бо образованніи Русины, такъ галицкіи, якъ и угорскіи, пишучи нынѣ своимъ роднымъ рускимъ языкомъ, уживаютъ къ тому единственно своеи словено-руской азбуки: то однакожь они, яко добріи сусѣды научились уже изъ давна читати письма польскіи и мадярскіи; и такъ именно галицкіи Русины познакомились изъ давна съ правописію польскою, угорскіи съ мадярскою, а нѣкоторе малое число изъ нихъ также съ провописію чешскою и чешско-словацкою. Очевидно, никто розумный не стане отъ нихъ вымагати, абы они едино для того, що сіе знаніе по доброй волѣ собѣ присвоили, также писати стали рускіи свои дѣла правописію польскою, или мадярскою, или же чешскою. Подобное желаніе, абы было яко тако основательно и не цѣлкомъ безрозсудно, должно бы стояти на иныхъ подставахъ и мотивахъ, о якихъ въ самой рѣчи говорити будемъ въ статьи нашой III-ой. Тутъ лишь упомянемъ, що воистину писали уже нѣкоторіи галицкіи Русины помельшіи рускіи сочиненія свои латинскими буквами ведля правописи польской, и оразъ замѣчаемъ, що на противъ Русины угорскіи до подобныхъ пробъ съ правописію мадярскою николи и не пріймалися.

Но приступѣмъ къ нашому предмету. Мы кажемъ: латинская азбука къ письменности руской неудобна; а неудобна для того, понеже во первыхъ: въ латинской азбуцѣ не достаютъ знаки для звуковъ ново-европейскихъ, именно звуковъ руско-словенскихъ; во вторыхъ: въ ней нѣтъ по колька знаковъ на звуки до себе вправдѣ подобнй, но по кореню словъ значно отъ себе розличніи. Первый недостатокъ недозволяе намъ писати такъ, якъ говоримъ; другій не дасть намъ вы-

разити словенского словъ рȣскихъ произхожденіꙗ. Сіꙗ же азбȣка не ȣ҆добна длѧ насъ ни даже ведлѧ польской, мадѧрской или чешской правописи, которіи всѣ три хотѧ и маютъ бо̂льшȣ часть оныхъ знако̂въ, многосложно и искȣственно составленныхъ: но все таки не подаютъ намъ ніꙗкой способности соединити выговоръ рȣскихъ словъ съ ихъ произхожденіемъ, а въ слѣдствіе того не дозволѧютъ розличати въ письмѣ нѣкоторіи слова наши подобнозвȣчніи, а значеніемъ часто отъ себе отмѣнніи.

Длѧ выказаніꙗ того въ примѣрахъ розсмотрѣмъ ꙗкое бȣдь предложеніе, писанное ведлѧ сихъ пѧти правописей: словено-рȣской, латинской, польской, мадѧрской и чешской, — ото на пр. пишемъ:

Щастливъ человѣкъ, не до̂знавшій нȣжды о̂тъ дѣтиньства.
—ast—yv —e—ovic, ne diznav—ij nu-d- vit d—ty—stva.
szczastływ czełowik, ne diznawszyj nuždy wit d(ji)tyństwa.
(scs)aszt(ll)-v cse(ll)ovik, ne diznavsij nu-d- witt gyit-nysztva.
ščast—yv če—ovik, ne diznavšij nužd— vit d'ityňstva.

Изъ сихъ примѣровъ ꙗвствȣе во первыхъ: що словено-рȣскаꙗ правопись не то̂лько выражае ꙗкъ найточнѣйше словъ нашихъ произношеніе, но розличае оразъ выговоромъ подобніи, а кореннимъ значеніемъ отъ себе отмѣнніи звȣки, ꙗкъ то: і, о̂ отъ ѣ; и отъ ы; или еще въ иныхъ примѣрахъ е̂, и отъ ѣ; ё отъ іо, ьо; ѧ отъ ꙗ. Во вторыхъ: що въ латинской правописи нѣтъ рѣшительно бȣквъ длѧ звȣко̂въ рȣскихъ, вмѣсто которыхъ (щ, л, ч, ш, ѣ, нь), мы въ нашомъ примѣрѣ поставили черточки. Въ третьихъ: що даже троꙗкою правописію нашихъ сȣсѣдъ не выразимъ докладно ни выговора, ни тѣмъ меньше коренѧ нашихъ словъ, и то именно польскою не изъобразимъ ніꙗкъ звȣка дѣ (дѣтинство), который и произношеніемъ значно розличаесь отъ звȣка до̂ (до̂знати); мадѧрскою не напишемъ докладно нашого щ, л, — а вовсе не выразимъ нашого ж, и, ы; наконецъ навѣть и чешскою не отдамо звȣка твердого л и ы, ибо тотъ послѣдній звȣчитъ ȣ҆ Чеховъ мѧгче, подобнѣйше нашомȣ и или і.

Кромѣ того ȣ҆же изъ наведенныхъ примѣровъ ꙗв-

ствѹе, що ни одна изъ сихъ 4 латинско-бѹквенныхъ правописей не подае намъ средствъ къ розличенію звѹковъ подобныхъ, но коренемъ отмѣнныхъ. Такъ на пр. для звѹкôвъ нашихъ і, й, ѣ, ô, е̂, они не маютъ инои бѹквы якъ однѹ і, и въ слѣдствіе того нiякъ не розличатъ на пр. 5 овыхъ ровнозвѹчныхъ но по значенію отмѣнныхъсловъ рѹскихъ, яко: міръ (свѣтъ), миръ (спокой), мѣръ (мѣра), мѣрь (мѣрити), мôръ (помôръ, джѹма), — а напишѹтъ всѣ тіи 5 слова еднако, въ одинъ лише способъ: mir. Правда, що той одинъ спосôбъ выдастся по формѣ бôльше поединчій, простѣйшій; однакожь, що намъ изъ тои простоты, если мы съ нею не розберемъ иногда смысла якого писанія, въ которомъ одно слово mir имѣти бѹде пятиракое значеніе? А такихъ словъ подобнозвѹчныхъ, но по значенію отмѣнныхъ, есть якъ извѣстно, въ языцѣ нашôмъ бôльше, и мы есьмо въ состояніи посредствомъ нашой словенорѹской правописи всѣ такіи слова одно отъ дрѹгого рѣшительно розличати. А ȣже въ томъ одномъ обстоятельствѣ состоитъ великое преимѹщество нашои прапописи.

Къ томѹ же скажемъ,що ни одна извѣстная намъ латинско-европейская правопись не выразитъ докладно звѹка и оразъ значенія нашои словенскои ѣ, и не розличитъ нiякъ звѹка и значенія бѹквы И отъ ы ведля нашого произношенія. Бѹквы ѣ не застѹпитъ ни польское jé, которое бôльше соотвѣтно нашомѹ е̂; не застѹпитъ и чешское ě, которое чисто звѹчитъ, якъ е=je. Кромѣ того не дастся нiякимъ лат. письмомъ выразити оное смягченїе, якое сія бѹква ѣ ведля нашого выговора въ предъидѹщихъ передъ собою согласныхъ производитъ; а вѣдь то смягченіе бывае ȣ насъ двоякое, иное на пр. въ словахъ: сѣсти, вѣдати (ś(ji)sty, w(ji)daty), а иное въ словахъ: съѣсти, въѣдатися (sj(ji)sty, wj(ji)datysia (!). — Такъ само невозможно латинскою азбѹкою застѹпити въ розличительный спосôбъ нашихъ звѹкôвъ И и ы, которіи хотя въ бôльшой части Галичины произносятся майже еднако, именно якъ открыте польское y; но въ многихъ словахъ даже произношеніемъ розличаются, на пр. бѹква И звѹчитъ на подобіе тонкого ї

въ частицѧхъ рѣчи: и, ни, или никто никогда николи, или въ словахъ: истина, инокъ икона, имѧ, идти, и прочихъ, тою бȣквою начинающихсѧ. Къ томȣ же, чѣмъ бôльше приближимсѧ къ Карпатамъ, или станемъ межи Русинами земли ѹ҆горской, тѣмъ ꙗвнѣйше розличимо тамъ постепенно ѹ҆мѧгчаемый звȣкъ бȣквы и отъ грȣбого ы, ажь ѹ҆слышимъ и таке ихъ произношеніе, ꙗке было въ ѧзыцѣ старословенскомъ.

Я тіи-то особливо три бȣквы ѣ, и, ы, маютъ въ нашой правописи кромѣ того еще одно великое назначеніе; именно слȣжатъ они по при кôлькохъ иныхъ подобнозвȣчащихъ бȣквахъ къ докладномȣ розличенію коренѧ въ словахъ. Не бȣдемъ тȣтъ розводитись надъ тѣмъ, ꙗкіи преимȣщества мае сіꙗ правопись, котора есть въ состоꙗніи, навѣть помимо рôвногласного звȣка словъ, выразити корень т. е. само ѧдро, само сȣщество всѧкого слова. Мы сказали, що изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ правописей сȣть тôлько двѣ, которіи въ цѣлой полнотѣ отличаютсѧ онымъ преимȣществомъ, тіи двѣ правописи сȣть: греческа и греко-словенскаꙗ. Ꙗкъ древній Грекъ ѹ҆мѣлъ розличати свой корень φιλ(φίλον-любимое) отъ коренѧ φυλ(φῦλον-племѧ), или корени: τελ(τέλος-конецъ), τηλ(τηλόσ'-далеко), θελ(θέλω-хочȣ), θηλ(θηλῶ-цвѣтȣ); σο(σόος-возмȣщеніе), σω(σῶος-живый, спасенный) и пр.; ꙗкъ древній Грекъ николи въ письмѣ не замѣнилъ одно изъ тѣхъ словъ дрȣгимъ подобнозвȣчащимъ, но отличалъ кождое видимымъ знакомъ отмѣнной по кореню бȣквы: такъ зналъ и дравній Словенинъ, а за нимъ и всѧкій Рȣсинъ донынѣ знае розличати осєбенными бȣквами подобнозвȣчніи слова ꙗко: міръ, миръ, мѣръ; дôлъ, дѣлъ; мѣль (мѣлкое мѣстце), мôль (червь); мило, мыло; било, было; или же жєнка, обжинка; кôнь, кинь, и пр. Такого докладного начертаніꙗ и произношеніꙗ и кореней въ словахъ рȣскихъ не подасть намъ ніꙗка ина правопись, тôлько одна наша словено-рȣска, котора само ѧдро, само сȣщество всѧкого слова изъображае въ превобытно-словенской формѣ такъ точно, ꙗкъ тое изъображала греческа въ словахъ греческихъ. Наши три старинно-словенскіи бȣквы ѣ,-ы,-ѧ, которіи маютъ свое извѣстное подобіе и оразъ розличіе

въ противоположныхъ буквахъ: ї, й, ô, ê,— и,— ы, суть такъ въ азбуцѣ нашой важнй, якъ важнй были въ азбуцѣ греч. овіи три природно-греческіи буквы: υ,-η,-ω, имѣвшіи такое же подобіе и оразъ розличіе въ буквахъ ι,—ε,—o. Съ помочію сихъ буквъ мы въ состояніи, якъ и Греки, соединити два великіи доброй правописи преимущества, с. е. точное словъ произношеніе и оразъ коренное ихъ произхожденіе. Инои еще азбуки, котора бы имѣла въ такой полнотѣ овіи два преимущества, мы въ Европѣ не знаемъ.

Тутъ не можемъ пропустити еще одного важного обстоятельства, которое такожь доведе истину нашого твержденія: що латинская азбука къ рускому письму неудобна. Думаемъ ту о нѣкоторыхъ отмѣнахъ, на якіи, властиво не языкъ, но выговоръ рускій ꙋ насъ роспадаеся. Тіи измѣненія выговору состоятъ вправдѣ въ маломъ лише числѣ звуковъ, но произведутъ великое розличіе въ письмѣ и не мале замѣшательство въ книжной словесности нашой, если попробуемъ ихъ чертати буквами латинскими. Приведемъ тутъ снова якій примѣръ, ꙋдоволяючись самымъ лишь приточеніемъ нѣсколькихъ словъ. Ото пишемъ нынѣ въ цѣлой австрійской Руси нашою правописію еднако слѣдующіи слова: кôнь, рôкъ, бôль, вôлъ, дôстати, ôтдати; мило, ходити, мыти, зима; — а межи тѣмъ если тѣ слова схочемъ выразити правописію польскою, то належитъ ведля выговору галицкого писати: kiń, rik, bil, wił, distaty, witdaty; myło, chodyty, myty, zyma; ведля произношенія подъ-Карпатскихъ Русинôвъ: kyń ryk, byl, wył, dystaty, wytdaty; а по выговору Руси ꙋгорской: kuń, ruk, bul, wuł, dustaty, wutdaty; miło, choditi, myti, zima. Тутъ маемъ явное розличіе въ письмѣ, произшедшое едино ôтъ троякого способу произношенія одной и тойже буквы ô, и ôтъ двоякого буквы и. А кромѣ того польская правопись изгладила тутъ совершенно коренное словъ рускихъ начертаніе, яке содержалось въ буквахъ ô, и ведля слокено-руской привописи. Вѣдь во въ оной послѣднѣй ничого не вредитъ Русинамъ ни галицкимъ, ни ꙋгорскимъ, що тіи двѣ буквы ведля областныхъ нарѣчій иначе произносятся; сіе во

отмѣнное произношеніе въ одномъ и томъ же нарѣчіи привязано къ одной и тойже бꙋквѣ постоянно такъ, що Галичане выговорюютъ бꙋквꙋ ô весегда якъ і или о; Рꙋсины подъ-Карпатскіи всегда якъ ы или о; Оугорскіи же всегда якъ ѵ или о; при томъ однакожь одно и тоеже слово стоитъ для нихъ всѣхъ написано въ тойже самой формѣ словено-рꙋской, котора такимъ дѣломъ вяже ихъ всѣхъ въ одно моло-рꙋское племя, а соединяючи ихъ областніи нарѣчія въ одинъ языкъ книжный, производитъ однꙋ для всѣхъ словесность.

Напротивъ же, латинская азбꙋка, приноровлена къ письменности рꙋской ведля которой нибꙋдь западно-европейской правописи, производитъ тꙋтъ не то̂лько велике замѣшательство, но оразъ несогласіе и роздвоеніе въ одноплеменной братіи. И скажемъ правдꙋ, що хотя бы мы избрали къ той цѣли якꙋ найлꙋчшꙋ изъ правописей латинскихъ, якою безъ запереченія есть правопись чешска; хотя бы мы яковіи ей недостатки, послѣ еклектического бꙋквъ добиранія, выполнили бꙋквами отъ дрꙋгихъ занятыми: то все таки не застꙋпимо ніякою правописію въ свѣтѣ нашихъ коренныхъ ѣ, и, ы, ô, съ такою точностію, абы они разомъ выражали докладно и мало-рꙋскій звꙋкъ, и оразъ въ письмѣ не дѣлали роздвоенія малорꙋскихъ нарѣчій. Отомъ мы оувѣрені такъ глꙋбоко, що готові есмо идти о закладъ даже съ якимъ найпроворнѣйшимъ изъобрѣтателемъ правописныхъ комбинацій.

Такъ дꙋмаемъ, що въ приведенныхъ повыше примѣрахъ мы достаточно довели неꙋдобность латинскои азбꙋки въ письменности рꙋской. Я о тое именно ходило намъ въ сей статьи II-ой.

Остае намъ говорити еще о нѣкоторыхъ голосахъ, противныхъ нашой словено-рꙋской азбꙋцѣ, а стремящихъ къ томꙋ, абы мы сію азбꙋкꙋ латинскою замѣнили. О томъ побесѣдꙋемъ въ статьи нашого розсꙋжденія III-ей и послѣднѣй.

———⋄⋄⋄———

III.

Мы ўже разъ сказали, ико не смотрѧ на то, що Римлѧне пôдбили пôдъ свое владѣнье всю греческую землю, и въ своей гордости накидали всѣмъ подбитымъ племенамъ свой ѧзыкъ, свою азбуку, сіи Римлѧне сдѣлали изъѧтіе отъ свого способу поступаніи едино въ отношеніи къ Грекамъ. Во все долголѣтное времѧ свого владѣньи надъ Греками, они оказывали особенную благосклонность къ словесности греческой; во все то времѧ не озвалсѧ ни одинъ римскій голосъ, противный письму Грековъ, или же совѣтующій имъ хотьбы замѣнити ихъ греческое письмо римско-латинскимъ. Мы оразъ сказали, що головною причиною тому оу Римлѧнъ было: ихъ знаніе греческой словесности, которое оуверило ихъ о великомъ преимуществѣ греч. азбуки и греч. правописи. Римлѧне не лѣнились сію азбуку близше познати, а познавши пользу и значеніе еи въ письменности греческой не находили причины противу ней голосъ свой подносити.

Мы думаемъ, що если бы и за нашихъ временъ оуважалась сіи римскаи свободоумнаи терпимость, основанна на близшомъ рѣчи познаніи: мы не имѣли бы причины на оборону нашого письма такъ много словъ и времени нынѣ тратити. Но къ сожалѣнію, дѣло стоитъ нынѣ оу насъ иначе. За давныхъ во временъ зналъ греческое письмо не тôлько настоѧщій Грекъ, но радо познакомлѧлсѧ съ нимъ и кождый свѣтлый сусѣдъ Грека; наше же руское письмо на противъ не тôлько весьма мало извѣстне свѣтлымъ сусѣдамъ нашимъ, но даже не докладно понѧте и оцѣнене отъ самыхъ же нѣкоторыхъ Русинôвъ!

Правда, що межи старо-греческою а нашою мало-рускою литературою есть майже таке розличіе, икъ межи небомъ а чистилищемъ: однакожь межь азбуками сихъ

двоихъ словесностей нѣтъ вовсе такого розличія, а на противъ есть въ нихъ якъ найблизше подобіе такъ що до внѣшнёго ихъ складу, якъ и що до внутреннёго ихъ преимущества. Такъ греческа, якъ и наша словено-руская азбука мае свои природніи, высокоцѣнніи свойства, которіи ставятъ ихъ до ряду первыхъ въ Европѣ, и которіи не дадутся для нихъ замѣнити ніякимъ инымъ письмомъ цѣлой Европы. Кто сіи свойства азбукъ реченныхъ розсмотривалъ оуважно, на основаніи языкословнои науки: тотъ не заперечитъ правды, повышь нами сказанной. Противное може говорити лише той, кто сихъ азбукъ и ихъ содержанія — не знае.

Я не знающихъ, якъ же то оу насъ не мало! — Тіи то незнающіи, или нашу азбуку лишь мало знающіи люди подносятъ свой голосъ противу неи при кождой способности, коли лишь сойдутся съ оными братьми соплеменными, которіи еи цѣну знаютъ, нею пишутъ и ю отъ всякого нападу боронятъ. Очевидно, голосы тіи рѣдко подносятся съ цѣлою явностію, въ письмахъ и сочиненіяхъ публичныхъ; бо, якъ всяке недоспѣлое насѣнье, такъ и они не смѣютъ добытись на сіяніе божого свѣтла. Но мимо того маемъ и нынѣ доказательства, именно въ появленіи „mało-ruskich poezyj L. E. W.“, що голосы такіи въ нашомъ отечествѣ еще существуютъ, и существуютъ не безъ дѣйствительныхъ вліяній, не безъ вреда для нашой словесности.

Якъ недавно выступили мы на иномъ мѣстци противъ цѣлому складу языка и поезій Папа Я. Е. В.: такъ ставемъ нынѣ противъ всему стремленію, яке за латинскими буквами его дѣла скрываеся, не оуважая вовсе на то, чи подобное стремленіе произойшло изъ его стороны съ сознаніемъ или безъ сознанія. Я выступаемъ ту съ цѣлымъ оумѣреніемъ рускихъ нашихъ чувствъ, съ отстороненіемъ всякого пристрастія; но замѣтимъ оразъ, що говорити будемъ откровенно, явно, такъ, якъ то кождому оу насъ и по приличію и по правамъ соизволено, и що при томъ не скрыемъ нашого добросовѣстного мнѣнія по за слова или по за буквы.

Такъ кажемъ въ голосъ, що стремленіе, абы за-

вести оу насъ вмѣсто словено-рѹской латинскѹю азбѹкѹ, есть противународное: бо розрывае теперѣшнѣе житье нашого народа съ житьемъ его прошедшимъ, тревавшимъ лѣтъ около тысяча; во производитъ неизбѣжимое роздвоеніе а оразъ паденіе отжившой нашой словесности, котора вѣдь тôлько на подставѣ рѹской азбѹки есть общою, еднолитою для Рѹсиновъ такъ галицкихъ, якъ подъ-Карпатскихъ, якъ и оугорскихъ. Доказательства на тое, опертіи на основаніи наѹки, сложили мы въ двоихъ статьяхъ попереднихъ; тѹтъ слѣдѹе еще отвѣтити на тіи возраженія и мотивы, на якихъ розвиваесь стремленіе къ заведенію въ письмѣ рѹскомъ латинской азбѹки.

Ото говорятъ намъ: Оупотребленіе латинской азбѹки есть доказательствомъ европейского поступу, ибо весь просвѣщенный западъ Европы пише исключно тôлько нею; и навѣть Нѣмцы, которіи до недавного часѹ писали отмѣннымъ нѣмецко-латинскимъ почеркомъ, печатаютъ нынѣ оученіи свои сочиненія бѹквами латинскими. — Отвѣчаемъ на тое: Пôдъ постѹпомъ европейскимъ, якъ вообще пôдъ постѹпомъ всего человѣчества, мы не розѹмѣемъ даръ слѣпого послѣдованія, охотѹ къ подражанію модѣ, но стремленіе къ лѹчшомѹ познаванію правды. Оученіи Нѣмцы пріймаютъ латинскіи бѹквы, и пріймаютъ не новость; бо вѣдь ихъ же нѣмецко-латинска азбѹка есть въ сѹществѣ своемъ сама оуже латинскою, и оу нихъ не измѣняеся тѣмъ нѣмецкая правопись, а тôлько внѣшняя форма бѹквъ и такъ оуже до себе подобныхъ. Оу насъ же съ тѣмъ дѣломъ стоитъ иначе. Съ принятіемъ латинской азбѹки вводится оу насъ новость, въ рѹской литератѹрѣ черезъ выше девяти сотъ лѣтъ ажь до новѣйшихъ временъ вовсе неизвѣстна; къ томѹ же розрѹшаеся цѣлый складъ правописи, созданный и сохраняемый вѣками. Се для словесности нашой не постѹпъ, но погибель!

Кажѹтъ намъ: Со знаніемъ латинской азбѹки отвераеся намъ пристѹпъ до всякой западно-европейской литератѹры, котора вся оуживае лишь латинского письма, а въ чѹдніи плоды оума такъ дѹже есть богата. — Отвѣтъ на тое заключаеся въ поровна-

тельной таблицѣ западно-европейскихъ правописей; сіꙗ таблицѧ найлꙋчше скаже, ꙗкъ то легко при помочи латинского письма читати по италіꙗнски, по францꙋзски, по англійски и пр. Писатель тѣхъ строкъ замѣтитъ лишь при сей способности, що онъ наꙋчилсѧ читати еврейскіи книжки, писанніи совсѣмъ чꙋжими длѧ него бꙋквами еврейскими, въ продолженіи одной недѣли; англійскіи же дѣла, печатанніи извѣстными емꙋ докладно бꙋквами, оучилсѧ читати два лѣта, — и, не грѣхъ признатись, даже нынѣ еще не добре по англійски читае*). Тоеже замѣчалъ онъ зъ досвѣдченіꙗ такожь оу дрꙋгихъ, и длѧ того пытае: ꙗкій тꙋ съ латинскою азбꙋкою загальный приступъ, ꙗке тꙋ оулегченіе?

Кажꙋтъ дальше такъ: Если бы Рꙋсины принѧли письмо латинское, было бы се съ великою корыстію и длѧ ихъ сꙋсѣдъ-соплеменниковъ, письмо тое оуживающихъ; ибо тіи розꙋмѣютъ легко бесѣдꙋ Рꙋсинôвъ, однакъ не знаючи ихъ азбꙋки, не могꙋтъ сочиненій ихъ читати. — Отвѣчати на тое противъ нашимъ соплеменникамъ приходитъ намъ дꙋже прикро; бо вѣдь все таки они намъ соплеменники! Я ꙗко такіи, чижь не маютъ они длѧ насъ того добросердного сочꙋвствіꙗ, ꙗкое словесность ихъ оу насъ давно имѣла и нынѣ все еще имѣе? Съ немалою болестію приходитъ намъ вызнати, що коли наши рꙋскіи писатели такъ часто вспоминали и вспоминаютъ въ письмахъ своихъ о розвиваніи и оуспѣхахъ словесности сꙋсѣдъ соплеменныхъ, тіи по-

---

*) Кто оучилсѧ англійского ѧзыка, той навѣрно знае, що не такъ дꙋже трꙋдно наꙋчитисѧ чꙋжинцꙋ по англійски говорити; читати же или писати надзвычайно тѧжко. Англійска бо правопись не дастсѧ подтѧгнꙋти подъ ніꙗкіи обіщіи правила; длѧ кождого майже слова сꙋществꙋе своꙗ особнаꙗ форма, котора иногда съ настоѧщимъ выговоромъ бꙋквъ не мае ніꙗкой свѧзи. Въ англійскомъ письмѣ нѣтъ такого правила, ꙗкъ на пр. въ нашомъ, при оученіи которого кажемъ: тꙋю бꙋквꙋ произноси постоꙗнно такъ, а сію всегда лишь такъ; оу Англичанъ на противъ произноситсѧ одна и таꙗже бꙋква въ троꙗкій, четверакій и даже въ пѧтеракій (ꙗкъ то бꙋква: a) розличный спосôбъ. Иніи же бꙋквы, именно нѣкоторіи согласніи, хотѧ въ словѣ пишꙋтсѧ, но вовсе не произносѧтсѧ при читаніи. Близше о томъ поꙋчае всѧка англійскаꙗ грамматика.

слѣдніи не вспомнꙋтъ о нашихъ заслꙋженныхъ мꙋжахъ
наꙋки ни однимъ майже словомъ, а о нашой словесно-
сти заховꙋютъ постоꙗнное, же такъ скажемъ, прене-
брегательное молчаніе, ꙗкъ бы таꙗ вовсе не сꙋществова-
ла. Се не взаимность, о ꙗкой мечталъ любимецъ сло-
венщины, Колѧръ! — Такъ ли то трꙋдно присвоити зна-
нію наше письмо, состоѧщое изъ 24 бꙋквъ греческихъ,
извѣстныхъ всѧкомꙋ, кто былъ хоть въ III-ой гимна-
зіальной клѧсѣ, — и содержачое лишь около 14 бꙋквъ
отмѣнныхъ, которіи за однꙋ годинꙋ легко можь наꙋчи-
тисѧ! Бѣдай въ томъ изъꙋченіи имѣли бы мы до-
казъ оной взаимности, ꙗкаꙗ намъ отъ сꙋсѣдъ нашихъ
оуже по самой чести и по справедливости належитсѧ! —
Изъ сихъ возраженій нашихъ видно, що намъ прикро
было о томъ и говорити!

Кажꙋтъ еще дальше: Латинскими бꙋквами писали
оуже навѣть нѣкоторіи извѣстніи Рꙋсины, ꙗкъ Тимко
Подꙋра, Вацлавъ изъ Олеска, І. Лозиньскій,
І. Левицкій*), Вагилевичъ, а теперь и Венґлиньскій;
къ томꙋ же и самъ найзнакомитшій ѧзыкословъ сло-
венскій, Г. Пр. Миклосичъ, писалъ недавно въ своей
порôвнательной грамматицѣ мало-рꙋскіи слова бꙋквами
латинскими. Подвиги сихъ мꙋжей повинні бы слꙋжи-
ти примѣромъ длѧ всѣхъ Рꙋсинôвъ. — Отвѣчаемъ
на тое: Тимко Падꙋра и В. изъ Олеска писали единствен-
но въ пользꙋ соплеменникôвъ польскихъ, которыхъ,
именно той послѣдній, хотѣлъ позпакомити съ народ-
ными пѣснѧми Рꙋси. Такъ они два, ꙗкъ и два иніи
наши заслꙋженніи ѧзыкословы, І. Лозиньскій и І. Леви-
цкій писали кôлька поменьшихъ сочиненій рꙋскихъ ла-
тинскою азбꙋкою еще передъ 1848 годомъ. Времѧ то
есть длѧ насъ Рꙋсинôвъ, которіи зъ тѣхъ поръ въ
словесности значніи сдѣлали оуспѣхи, дꙋже давное; а къ
томꙋ отъ оного памѧтного года, пишꙋтъ послѣдніи
два мꙋжи, которіи на благо нашой словесности годъ той
пережили, рꙋскіи свои сочиненіꙗ лишь рꙋскою азбꙋкою. Ꙗ

---

*) Знаемъ лишь о одномъ стихꙋ І. Левицкого, печатанномъ подъ загла-
віемъ: Car dubów iz Getoho въ давныхъ польскихъ Rozmaitościach.

И. Вагилевичъ писалъ, ꙗкъ извѣстно, въ самомъ же 1848 годȣ бȣквами рȣскими, а тôлько перепечатывалъ то само для польскихъ читателей особно письмомъ латинскимъ по правописи польской; впрочемъ предпрiятiе его сȣществовало ледва черезъ мѣсяцъ. И онъ, о скôлько знаемъ, писалъ потомъ рȣскiи свои произведенiꙗ азбȣкою тôлько рȣскою. Що же до Г. Венґлиньского, писателя мало еще извѣстного, который одинъ изъ всѣхъ Рȣсинôвъ печаталъ оуже послѣ 1848 года малорȣское свое дѣло бȣквами латинскими, то маемъ позволенiе Читателямъ нашимъ донести, що тойже Г. В. прислалъ черезъ рȣки одного знакомитого Рȣсина кôлька своихъ поезiй къ Пчт. Редакцiи „Вѣстника“, для помѣщенiꙗ ихъ въ „Сборникȣ“, печатающомся бȣквами словено-рȣскими. — Бôльшое значенiе имѣло бы въ томъ дѣлѣ латинское писанiе мало-рȣскихъ словъ въ грамматицѣ Г. Пр. Миклосича, если бысьмо не знали, для ꙗкой именно цѣли сей высокоȣченый мȣжь писалъ въ такiй способъ слова наши рȣскiи. Но мы цѣль тȣю знаемъ: она состоꙗла въ желанiи, познакомити иныхъ Словенъ, которiи преимȣщественно всесловенскимъ языкословiемъ занимаются (ꙗкъ то именно Чехи и Словене юго-западнiи), съ настоящимъ произношенiемъ словъ малорȣскихъ, которiи отъ наведенныхъ въ томъ же дѣлѣ подобныхъ словъ старословенскихъ и россiйскихъ выговоромъ значно розличаются. Въ ономъ то благорозȣмномъ намѣренiи*) долженъ былъ Впчт. Профессоръ печатати наши мало-рȣскiи слова латинскими бȣквами ведля правописи (не польской, но) чешской. Такъ изъ всѣхъ подвиговъ, свѣдчащихъ о мимоходномъ принорowленiи латинского письма къ словамъ языка рȣского, не бȣстоꙗлся ни одинъ такiй, который съ нѣꙗкою справедливостiю подавалъ бы примѣръ до наслѣдованiꙗ для в с ѣ х ъ Рȣсинôвъ.

Инiи голосы, воздающiи предпочтенiе к р а с н ѣ й ш о й нѣбы ф о р м ѣ бȣквъ латинскихъ передъ простою на-

---

*) Ꙗко истинно лишь таке было намѣренiе, знае писатель сихъ строкъ изъ оустъ самого же Впчт. свого Профессора.

шихъ, не оудостоиваемъ навѣть ôуваженіꙗ; бо насъ
внѣшнѧꙗ форма не плѣнитъ на некорысть высшого внȣ-
треннёго сȣщества, ꙗкое содержитсѧ въ нашой греко-
словенской азбȣцѣ и правописи; — а кромѣ того знаемъ,
що, ꙗко латинскаꙗ азбȣка, живцемъ отъ греческой
произшедшаꙗ, оукрасила свою внѣшню формȣ долгимъ,
многонароднымъ ôуживаніемъ: такъ оукраситсѧ ко-
лись и наша рȣска, если ю долшое времѧ съ любовію пле-
кати ôу себе бȣдемъ. Нынѣ оставлѧемъ то дѣло фор-
малистамъ и типографамъ, и бôльше словъ на се не
терѧемъ.

Лȣчше представимъ еще нашомȣ воображенію то
состоꙗніє, въ ꙗкое попала бы рȣска словесность, если бы
Рȣсины кинȣли свою азбȣкȣ, а натомѣстъ латинскȣ при-
нѧли. На самъ передъ представлѧесѧ очамъ нашимъ
то, що и ôу дрȣгихъ народôвъ при подобныхъ измѣнахъ
бывало: общое замѣшательство и безконечнаꙗ свар-
нѧ за азбȣкȣ. Мы пригадȣемъ тȣтъ долголѣтніи спо-
ры, ꙗкіи велисѧ о правопись ôу Словенъ юго-западныхъ.
Ишло тамъ о измѣненіє правописей старо-нѣмецкой и
старо-мадѧрской, а принѧтіє ꙗкой лȣчшой, длѧ всѣхъ
оныхъ племенъ єднакой. И що тогда не дѣꙗлось! Одни
обставали пристрастно за правописію старою, близшіи
Нѣмцамъ за нѣмецкою, близшіи Мадѧрамъ за мадѧр-
скою; дрȣгіи — а тѣхъ было найбôльше — ковали со-
бѣ цѣлкомъ новіи зъ латинскихъ бȣквъ комбинаціи, и
ставали дрȣгъ на дрȣга съ найострѣйшими мечами зло-
рѣчіꙗ; третіи же предлагали бȣдь правопись италіꙗнскȣ,
бо Италіꙗне безсторонніи ихъ сȣсѣды, — бȣдь навѣть
францȣзскȣ, бо ѧзыкъ францȣзскій найбôльше роспро-
страненъ по свѣтѣ! И такъ сварились пристрастно до
недавна; ажь ôулюбленный въ южной Словенщинѣ
мȣжъ, Людевитъ Гай сталъ писати чешскою правопи-
сію, и тȣю ôуже всѣ за нимъ принѧли. Такіи то замѣ-
шательства производила измѣна не азбȣки, а одной
тôлько правописи; — щожь могло бы быти ôу насъ,
длѧ которыхъ имѣла бы змѣнитись не лише правопись,
но и всѧ азбȣка. Що было ôу дрȣгихъ, то за подоб-
ныхъ обстоꙗтельствъ може быти и ôу насъ, а може и
що гôршое.

Ꙗ то горшое состоꙗло бы въ печальномъ роспаденіи нашой словесности на двѣ значно оуже отъ себе отмѣнниѝ половины: на рȣско-галицкȣ съ польскою правописію, и на рȣско-оугорскȣ съ правописію мадѧрскою. Правопись чешска, котора южныхъ Словенъ отъ части ближше съединила, не могла бы оу насъ въ началѣ азбȣковыхъ переворотовъ ніꙗкъ приѧтисѧ; бо она надто мало оу насъ извѣстна, и къ томȣ отдѣлена отъ насъ двѣма иными, близшими по сȣсѣдствȣ, по складȣ же отъ чешской ажь надто розличными. Тіи же двѣ по сосѣдствȣ длѧ насъ близшіи правописи, хотѧ одна изъ нихъ довольно извѣстна на Рȣси галицкой, дрȣга въ за-Карпатской, но обѣ вразъ ни тȣтъ, ни тамъ не извѣстниѝ. Ꙗ же обовѧзаниѝ бы мы познакомлѧтисѧ съ словесными произведеніꙗми одноплеменной намъ братіи за-Карпатской, къ чемȣ потребна есть наȣка въ такъ длѧ насъ трȣдной и не легко понѧтной правописи мадѧрской: то належало бы даже въ меньшихъ школахъ нашихъ оучити ажь четыре правописей: словено-рȣскȣ, ꙗко прошедшȣ; — польскȣ и мадѧрскȣ, — ꙗко настоѧщȣ; — наконецъ чешскȣ, — ꙗко бȣдȣщȣ. Тое же само ожидало бы въ ономъ слȣчаѣ и Рȣсиновъ оугорскихъ! Такъ то четыре разы належало бы намъ оучитисѧ того, що до сего времени оучилисѧ мы за однимъ разомъ, и може четыре лѣта ходити до одной и тойже клѧсы, которȣ мы до того часȣ по одномȣ роцѣ посѣщали! Се довело бысь — ad absurdum!*)

Кромѣ того печального роздвоеніꙗ настоѧщой нашой, нынѣ соединеной словесности послѣдовало бы за введеніемъ оу насъ латинскои азбȣки еще одно горе, по

---

*) Не можемъ тȣтъ пропȣстити еще замѣчаніꙗ: ꙗкъ бы намъ належало онȣ нововводимȣю азбȣкȣ назвати? Азбȣкою именовати несправедливо, бо то имѧ прислȣжае письмȣ, которое начинаесь отъ: азъ и бȣки; ꙗкъ греческій алфавитъ отъ: *αλφα, βητα* (евр. aleph, beth). Латинскȣю азбȣкȣ называютъ Чехи: Abeceda, но то имѧ надто оу насъ чȣже. Належало бы принѧти польское: Abecadło, которое то слово должниѝ бы мы, ведлѧ природы малорȣского ѧзыка по подобію слова: prześcieradło=простирало, произносити настоѧщимъ выговоромъ малорȣскимъ: Abeciało (!).

нашомꙋ мнѣнію, изъ всѣхъ иныхъ найбôльше и найдотклившое. Оуже сама мысль о томъ всенародномъ горѣ есть для Рꙋсина ѣдка, мꙋчительна: бо тꙋ играе ролю его природне рꙋское чꙋвство, привязане съ любовію до всего, що своимъ колись было, що своимъ есть и донынѣ.

Дꙋмаемъ тꙋтъ о ономъ насильномъ розрывѣ, який за измѣною письма мꙋсѣлъ бы настꙋпити межи рꙋскою словесностію нынѣшнихъ временъ, а рꙋскою словесностію вѣкôвъ прошедшихъ — выше девяти! Розрывъ дꙋховои жизни цѣлого народа, — то найболестнѣйшое горе, яке коли сꙋществовало въ свѣтѣ! Вѣдь ни одинъ народъ не наводилъ того горя на себе сомовольно, ни одинъ народъ не срывалъ съ житьемъ своимъ прошедшимъ. Вѣдь поверховніи перемѣны, якіи отъ недавна заводятся въ письмѣ ôученыхъ Нѣмцôвъ, якіи завелись ôу Словенъ юго-западныхъ, не измѣнили самого сꙋщества азбꙋки, отъ первого явленія ихъ на полю словесности отъ Римлянъ принятой; не довели ихъ до той крайности, абы нынѣ Нѣмецъ или южный Словенинъ не возмогъ перечитати той свою старꙋ нѣмецкꙋ, сей свою старꙋ латинско-словенскꙋю книжкꙋ. Таяя невозможность предъоставлена была бы едино для насъ, австрійскихъ Рꙋсиновъ, которû, за отверженіемъ греко-словенского письма однû на всю Европꙋ забыли бы съ временемъ читати старинніи свои книги!

Но пытаемъ, можно ли подꙋмати о сынꙋ, абы онъ вырекся памяти родного отца? благородно ли желати отъ народа, абы вырекся своихъ предковъ, которû житье его основали, — своей исторіи, котора свѣдчитъ о его дѣлахъ, о его славѣ; — абы забылъ о томъ, яко ôнъ не отъ нынѣ, не отъ 1848 года жіе тꙋ на свѣтѣ Божомъ, на яко жилъ, дꙋмалъ и писалъ по своимꙋ отъ лѣтъ около тысяча!

Дꙋмаютъ ли тіи, которû совѣтꙋютъ намъ измѣнити письмо наше стародавне, що мы лишь однû изъ всѣхъ племенъ такіи выродки, же своевольно, отцеꙋбійски вымажемъ изъ памяти все, що зъ воли Божой сꙋществовало за житья минꙋвшого? Дꙋмаютъ ли, що мы такъ мало привязанû до свого, же кинемъ то за пер-

вымъ ıавленіемъ новои моды? Дȣмаютъ ли, що мы одни такъ слабоȣмнû, же не знаемъ розсȣдити, що длѧ насъ добре, а що не добре? Дȣмаютъ ли наконецъ, що єдино мы такъ не благороднû, абысьмо не стоıали крѣпко при томъ, що всенародно за добре длѧ себе ȣ̂-зналисьмо?

Да розберȣтъ они тѣ наши вопросы и ȣ̂момъ и сердцемъ, — а оувѣдаютъ, чомȣ мы такъ оупорно на нихъ представленыıа отвѣчаемъ все: „мы того не пріймаемсѧ, бо такъ оу насъ не бывало!“

Єто̂лько въ семъ дѣлѣ — pro domo sua!

———◇◇◇———

СОДЕРЖАНІЕ.